

С. 4
История и псевдоистория
Перед приближающимся столетием Октябрьского переворота, Поместного собора 1917–1918 гг. и возрождения братского движения в Русской православной церкви «Кифа» планирует начать публикацию серии исторических статей. В центре нашего внимания будут события начала XX века

С. 5
Лица и судьбы
В этом номере мы хотели бы открыть серию публикаций, в которых будем представлять не братства или духовные движения в целом (о них мы немало рассказывали на страницах «Кифы»), а отдельных людей – тех самых братчиков, которых мы часто совсем не представляем – ни их лица, ни жизни, ни судьбы

С. 7
Чьи мы наследники
В беседе священника Георгия Кочеткова с членами малого православного Свято-Введенского братства собеседники затрагивают множество тем: как не быть сиротами, возможно ли стать наследником, если все время молчишь, и какова роль братских движений в возрождении церкви, народа и страны

Приложение «Язык Церкви»
В нашем приложении доклад Елены-Алины Патраковой, прозвучавший на Паисиевских чтениях – «Traditio translatio est: святоотеческая богословская традиция как непрерывная цепь переводов» – и рассказ о судьбе старшего из солунских братьев, Мефодия: в этом году исполняется 1200 лет с его рождения в городе Салоники

Тема номера Преодолевая разрывы истории

«Главное – быть носителями того же духа и смысла церковной жизни, той же духовной традиции, что и они»

Мы заканчиваем серию публикаций к 25-летию Преображенского братства воспоминанием о том, как в середине 2000-х окончили свой земной путь несколько человек, которые были не только давними друзьями братства, но и его заступниками. Председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак размышляет о том, что это значило для братства

С.С. Аверинцев и протопресвитер Виталий Боровой

В течение всего года мы публиковали материалы, связанные с юбилеем Преображенского братства. Продвигаясь по оси времени, мы не ставили себе задачу отразить происходившее последовательно год за годом, день за днем (для этого понадобилось бы несколько толстых томов, да и их бы не хватило, пожалуй). Мы просто высвечивали те или иные события, говорящие о нашей общей жизни что-то важное, взглядом участников и очевидцев.

И вот подходит к концу юбилейный год, и мы приближаемся к концу публикаций, связанных с историей братства. Последние номера подвели нас к «нулевому», к периоду, начавшемуся после 2000 года. В эти годы появился Братский дом – старая деревенская школа, которую братчики отремонтировали своими силами; в эти годы родилась наша газета; в эти годы члены братства активно участвовали в важных общецерковных форумах, самыми заметными из которых стали конференции, которые проводит Синодальная библейско-богословская комиссия. Обо всем этом мы уже рассказали в предыдущих номерах.

Однако есть еще одна тема, которую невозможно обойти своим вниманием, когда мы вспоминаем эти годы. Говоря об этом времени, мы не можем не рассказать о том, как уходили постепенно из жизни те, кто был для братства опорой, а в ситуации гонений – и защитой, кто мужественно говорил слово правды там, где противостоящие братскому возрождению силы этого не хотели и не ждали.

Протопресвитер Виталий Боровой и академик Сергей Сергеевич Аверинцев, люди, обладавшие огромным авторитетом в церкви, в течение многих лет поддерживали братство и заступались за него в годы гонений. Не так тесно, как они, был связан с братством митр. Антоний (Блум), но и он выступал в его защиту и радовался известиям об этом опыте общинного и братского собрания.

И вот в течение пятилетия, прошедшего на сцену 2000-х, все эти замечательные люди окончили свой земной путь, и члены братства почувствовали себя совсем уж «на передовой»...

Окончание на с. 6

Христос и студенты

В СФИ прошел студенческий семинар «Пути просвещения христианской молодежи»

«Нет в мире такой страны, в которой университетская молодежь более чуждалась бы Евангелия». Так охарактеризовал состояние русского студенчества генеральный секретарь Международного союза христиан студентов, руководитель ИМКА Джон Мотт после посещения нашей страны в 1900 году. Он отмечал, что русские студенты, с одной стороны, умны и способны здраво мыслить, с другой,

мало заинтересованы в образовании, плохо разбираются в вопросах нравственности, а религию считают скорее суеверием.

О том, как складывались взаимоотношения тех студентов с христианством, говорили студенты нынешние – на семинаре «Пути просвещения христианской молодежи» в СФИ 24 октября. За три с лишним часа удалось обсудить три небольших доклада на основе бакалаврских и курсовых работ по истории церкви.

Студенческие протесты стали одной из движущих сил революционного брожения в России в начале XX века (на фотографии: военные участвуют в студенческой демонстрации). Но пока большинство искало правды на улицах, кто-то все-таки пытался найти ее, обращаясь к жизни Церкви...

Окончание на с. 3

Для того чтобы появился дружеский круг, нужен человек-«мотор», тот, кто представляет себе масштаб, сверхзадачу

В последнее время «Кифа» не раз рассказывала о дружеских кругах – правда, до сих пор этот разговор был исключительно обращением к истории, отечественной и зарубежной. Мы вспомнили, что говорил прот. Георгий Флоровский о славянофилах именно как о круге друзей; поговорили о кружке «Инклингов», сыгравшем большую роль в судьбе английской литературы и христианской апологетики XX века (а так как многие из нас, и дети и взрослые, с радостью читают произведения Льюиса и Толкиена, оказалось, что Инклинги и нам не чужие) и о круге «лианозовцев» – значительном явлении в отечественной (и «послеотечественной») Москве 1960-1970-х годов.

Сегодня мы расскажем о тех дружеских кругах, с которыми знакомы члены Преображенского братства в некоторых уголках России и ближнего зарубежья.

Ирина Пономарева (Архангельск):

Есть по крайней мере два примера такого рода дружеских кругов, которые меня в жизни очень радуют и вдохновляют. Первый – это сообщество, которое называется «Товарищество Северного мореходства». Туда входят люди совершенно разных возрастов и профессий, живущие в разных городах России. Когда мы спрашиваем, что объединяет их (они дружат с середины 1990-х годов), то они говорят очень просто: «Нас объединяет любовь». И если мы внимательно посмотрим в их жизнь, в их заботы, в их бескорыстное служение, то оказывается, что это действительно люди, которые между собой имеют очень теплые, открытые, настоящие, подлинные дружеские связи, при этом они в жизни имеют общую любовь – к Русскому северу, к русским традициям, к русской культуре, к человеческим ценностям, которые всегда культивирова-

Соловецкий морской музей – один из проектов «Товарищества Северного мореходства»

лись у поморов. Это действительно очень крепкие традиции: чистый нравственный климат, любовь к труду, к своей земле. Этих людей объединило то, что они пытаются все это находить, сохранять, сберегать, восстанавливать и, насколько у них хватает сил, рассказывать об этом совершенно разным людям.

Каким образом им удается это делать? Вот это всегда меня удивляло, потому что они не только издают свой журнал «Соловецкое море» (это серьезный альманах с научными статьями: многие люди, входящие в этот круг, имеют научные степени в разных отраслях знаний) – они сумели отреставрировать на Соловках старый барак, сделать из него замечательный Соловецкий музей, в котором экспонируются раритеты, связанные с этнографией, культурой и историей Русского севера.

Окончание на с. 8

Православное богослужение

Екатеринбургская епархия и Свято-Екатерининское братство провели совместную конференцию «Богослужение в опыте новомучеников и исповедников Российских»

Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл, Олег Глаголев, Максим Зельников на открытии конференции

В приветственном слове к участникам конференции митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл поблагодарил Свято-Екатерининское малое братство за «активную позицию по прославлению памяти новомучеников нашей церкви» и отметил, что для нас важно живое отношение к опыту жизни и служения новомучеников. Для самого владыки Кирилла особенно дорог свт. Афанасий (Сахаров), в день памяти которого, 28 октября, и прошла конференция.

«Он был образцом жизни задолго до его канонизации. Владыка Афанасий трепетно относился к богослужению и очень переживал, когда его сокращали. Литургия для него была главным делом жизни, он не мыслил жизни вне литургического общения. И несмотря на все трудности жизни, всегда оставался жизнерадостным человеком. Для меня он – символ русского православного противостояния злу», – сказал владыка Кирилл.

Чувство благодарности Богу и жизненной радости было присуще, по словам

владыки, всем тем людям, кто претерпел за веру, и это то, чему мы можем у них учиться.

В своем докладе «Молитва в опыте новомучеников и исповедников Российских» бакалавр богословия, канд. физ.-мат. наук, преподаватель литургики Свято-Филаретовского православного института (Москва) Максим Зельников сделал акцент на том, что исповедники веры, свято храня православные устав и традицию, подходили к ним бережно и творчески, чтобы трудные испытания времени гонений: ссылки, тюрьмы, лагеря не были препоной для личной молитвы и служения литургии. Так, общей чертой литургической практики исповедников в этих условиях докладчик назвал то, что они придавали большое значение живой проповеди Слова Божия на богослужении.

«Проповедь исповедники осознавали своим главным делом. Эти проповеди носили очень личный, пастырский характер и достигали сердца каждого, кто их слышал. Кроме проповеди, важным делом богослужебной практики исповедники веры считали общерадостное пение. Таким образом они привлекали весь церковный народ к сознательному и ответственному участию в богослужении», – отметил М.И. Зельников

Об опыте и трудах свт. Афанасия (Сахарова) по восстановлению богослужебной нормы в церкви рассказывала член Свято-Екатерининского малого братства, магистр богословия Евгения Парфенова (Екатеринбург). Она привела множество цитат из проповедей и писем святителя, где он вдохновлял и поддерживал верующих:

«Владыка Афанасий, горячо любящий молитву, ревностно совершавший богослужение даже в условиях тюрем и

лагерей, всю свою жизнь положивший на исправление церковных книг, понимал, как важно для современной жизни церкви, для верующих – знание и любовь к церковной традиции, возрождение богослужебной нормы в церкви. Он писал: «Теперь, когда остается малое, но предполагается верное стадо людей, горячо желающих жить по руководству Святой Церкви, – вся внутренняя жизнь церковная должна быть возвращена к церковным нормам, к церковному укладу».

Святитель вел работу по исправлению, уточнению, а также написанию новых богослужебных книг, разъяснял смыслы христианских праздников, заботился об осмысленном участии мирян в богослужении.

«Такое движение литургического возрождения не носило массового характера. Скорее это был опыт подвижников, сердечно любящих молитву и богослужение, а также богословов, которые специально посвятили жизнь литургическим исследованиям. Святитель Афанасий (Сахаров) внес один из самых серьезных вкладов в дело сохранения и возрождения богослужебной традиции в Русской церкви», – отметила докладчица.

О понимании значения литургического служения в годы гонений на церковном съезде. Анатолием Жураковским рассказана участникам конференции Ксения Сулова, член Свято-Екатерининского братства, бакалавр богословия (Екатеринбург). В частности, докладчица обратила внимание на некоторые предложения о. Анатолия в связи с необходимостью реформы литургического канона.

«Понимая всю сложность и глубокие внутренние трудности этого вопроса, он тем не менее ставит его на первое и центральное место в ряду других вопро-

сов о церковных реформах. Он пишет: «Определить свое отношение к нему значить вообще церковно самоопределился. Все в Церкви связано с богослужением, все реформы имеют своей предпосылкой реформу богослужения, без нее делаются внешними, поверхностными, бездейственными; с другой стороны, все реформы нужны только для того, чтобы до конца реализовалось богослужение в своей мистической силе в жизни, чтобы им исполнилось до краев бытие».

Конечно, опыт жизни, служения и молитвы новомучеников и исповедников Российских довольно широк и разнообразен. Но, будучи едины в борьбе за церковь, они ставили акцент на том главном в литургической традиции, что делает богослужение действенным и живым – проповедь Слова Божьего, единство церковного собрания, братская жизнь, ответственность священства и мирян за веру. И, как сказал в заключительном слове председатель Свято-Екатерининского братства Олег Глаголев, «сводить опыт новомучеников к чему-то одному было бы, безусловно, ошибкой. Важно, что он тогда для нас имеет ценность, когда, во-первых, связан с церковной апостольской традицией, а во-вторых, подтвержден добрыми плодами жизни свидетелей веры».

Хотелось бы надеяться, что то, что прозвучало на конференции, отзовется живым действием и укреплением веры всех, кто хоть каким-то образом прикоснулся к опыту жизни этих людей. Ведь если мы говорим о них, изучаем их молитвенный опыт, опыт братской жизни, опыт стояния в христианской вере, значит, мы входим в это непростое, но благодатное наследство.

Елена Каштанова, сайт <http://psmb.ru>

Войти в храм, «прыгая от радости»

9 ноября в книжном магазине «Библио-Глобус» прошла презентация книги «Введение во храм» профессора Александра Копировского, искусствоведа и преподавателя церковного искусства Свято-Филаретовского православного христианского института

Автор рассказал, что при создании книги ключевым для автора стал образ введения во храм Пресвятой Богородицы, описанный в апокрифе «Протоэвангелие Иакова» (II в.): радость маленькой Марии, будущей Богородицы, которая, забыв обо всех окружающих, устремилась в храм, «прыгая от радости», и всеобщая радость народа, который, видя это, «полюбил ее».

Как отметила Ирина Бусева-Давыдова, главный научный сотрудник Института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, д-р искусствоведения, несмотря на то, что книга написана о выдающихся шедеврах, которым посвящены целые тома, она содержит новые факты, развенчивает расхожие мифы. А главное – автор, проанализировав существо церковного искусства, показал одно из основных его качеств – недосказанность, тайну, которая определяет существо образа.

«В книге удалось достичь гармонии в соединении церковного и искусство-

ведческого взгляда на церковное искусство», – подчеркнул Юрий Протопопов, ведущий научный сотрудник Института художественного образования и культурологии Российской академии образования, канд. пед. наук. – Меня поразила ее язык, то, с какой теплотой рассказывалось о судьбах людей, связанных с этими шедеврами.

Проблему расхождения между церковными и светскими специалистами отметил и Александр Мелик-Пашаев, главный редактор журнала «Искусство в школе», заведующий лабораторией психологических проблем художественного развития Психологического института РАО, член Союза художников РФ, д-р психол. наук. По его словам, в книге удалось преодолеть разрыв между религиозным и светским в культуре. Он охарактеризовал главы книги как позитивные свидетельства, объединяющие людей и способствующие возрастанию интереса к церковному искусству в педагогической среде.

Людмила Тарасенко, заведующая отделом древнерусской живописи Государственного исторического музея, канд. искусствоведения, порадовалась тому, что книгу можно будет использовать как путеводитель при проведении экскурсий и лекций по церковному искусству.

По мнению протоиерея Николая Чернышева, иконописца, члена Патриаршей искусствоведческой комиссии, клирика храма свт. Николая в Кленниках, книга обладает особым качеством, одно из ее основных достоинств – теплота, с которой описывается каждый памятник, его форма и содержание, как подтверждается новизна и традиционность церковного искусства.

Сергей Чапнин, ответственный редактор «Журнала Московской Патриархии», назвал книгу личным свидетельством о том, что церковное искусство обращено не только в прошлое, что и сейчас возможна свобода творчества. Как подчеркнул Сергей Валерьевич, «мы способны на большее, чем просто подражание некоей мифологической Руси». И именно церковное искусство на вопрос: «Есть ли свобода у христианина?» убедительно отвечает «да».

Протоиерей Георгий Мартынов, куратор Патриаршего музея церковного искусства при храме Христа Спасителя, клирик храма Христа Спасителя, также выразил уверенность, что книга, насколько это позволяет ее объем, является материалом, который необходим каждому, кто вступает в храм.

Александр Михайлович поблагодарил

Справа налево: Александр Мелик-Пашаев, Юрий Протопопов, Александр Копировский, Евгения Литвиненко (исполнительный директор КПФ «Преображение»), Ирина Бусева-Давыдова

всех пришедших экспертов и гостей, а также своего духовного наставника – священника Георгия Кочеткова, духовного попечителя Преображенского братства и ректора СФИ, не только пробудившего в нем интерес к церковному искусству, но и во всех смыслах совершившего его «введение во храм».

Приобрести книгу А.М. Копировского «Введение во храм» можно в ТД «Библио-Глобус» (Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1), а также через Интернет-магазин <http://predanie.org>

Дарья Макеева
Фото Александра Волкова

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Борк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 30 ноября 2015 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 4 декабря 2015 г.

gazetakifa.ru

Новости Свято-Филаретовского института

Октябрь 1917: народная революция или партийный переворот?

Петербургский историк Кирилл Александров прочел очередную открытую лекцию в СФИ

Что произошло в России в конце 1917 года? В чем заключались особенности новой революционной власти и можно ли ее назвать «диктатурой пролетариата»? Какими декретами и мероприятиями сопровождалось рождение ленинского государства? Когда начался красный террор и был ли он ответом на террор контрреволюционеров?

31 октября в Свято-Филаретовском институте прочел открытую лекцию петербургский историк Кирилл Александров. Тема лекции: «Приход большевиков к власти в России в 1917 году: народная революция или партийный переворот?». Третья лекция Кирилла Михайловича в СФИ продолжает его предыдущее выступление, посвященное Февральской революции.

– Наша лекция неслучайно проходит

31 октября, как некоторое продолжение вчерашнего дня, в течение которого мы читали имена людей, погибших в нашей стране в годы Русской катастрофы, – сказала доцент кафедры церковно-исторических дисциплин Юлия Балакшина, открывая встречу. – И сегодня мы попробуем разобраться в том, как эта катастрофа началась и каковы ее причины.

Кирилл Александров рассказал о том, как 98 лет назад в октябре 1917 года в российской столице вооруженные отряды Петроградского военно-революционного комитета захватили важнейшие государственные учреждения, арестовали членов Временного правительства и объявили его низложенным. От имени Второго съезда Советов ленинцы провозгласили создание «временного рабочего и крестьянского правительства

России» – Совета народных комиссаров, состоявшего из членов Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). В последующие дни, недели и месяцы большевики постепенно захватывали власть в российской провинции, что сопровождалось применением насилия и боевых действий в Москве, Казани, Калуге, Киеве, Иркутске и других городах. Одновременно большевистские ревкомы начали террор против российских граждан и приступили к систематическому разрушению традиционных институтов Российского государства. В короткий срок страна была поставлена на грань гражданской войны.

О том, как развивались события в России в октябре 1917 года, можно услышать в лекции Кирилла Михайловича,

записи которой он любезно разрешил разместить на сайте СФИ по адресу <http://sfi.ru/sfi-today/article/oktyabr-1917-narodnaya-revoluciya-ili-partijnyj-perovorot.html>.

Софья Андросенко
Фото: Евгений Фоминых

Христос и студенты

В СФИ прошел студенческий семинар «Пути просвещения христианской молодежи»

Начало на с. 1

«Богу, людям и всей твари...»

Анна Сафронова представила доклад на основе своей бакалаврской работы, в которой исследовала просветительскую деятельность Христианского содружества учащейся молодежи под руководством протоиерея Павла Лахостского в Санкт-Петербурге в 1903–1916 годах (возможно, движение просуществовало и дольше, но именно 1916 годом датируется последний документ, который ей удалось обнаружить в архивах).

Целью движения было помочь молодежи, воспитанной на позитивизме XIX века, увлеченной Шопенгауэром и Ницше, открыть православие не как «веру для простолудных», но увидеть в нем возможность для поиска ответов на современные вопросы. Судя по тематике собраний и составу участников, движение было преемственно к религиозно-философским собраниям 1901–1903 годов. Помимо молодежи в него входили профессор Санкт-Петербургской духовной академии и Университета.

Кроме того, в жизни движения принимали участие видные церковные и общественные деятели, такие как духовник императорской семьи протопресвитер Иоанн Янышев, основатель Крестовоздвиженского трудового братства Николай Николаевич Неплюев, архиепископ Антоний (Храповицкий), иеромонах Виктор (Островидов) (будущий епископ), юрист и историк барон Михаил Александрович фон Таубе, Иван Афанасьевич Федченко (будущий митрополит Вениамин), государственный и общественный деятель Анатолий Федорович Кони, историк Антон Владимирович Карташов, многие члены группы «32-х» священников – ревнителей церковного обновления: профессор канонического права протоиерей Михаил Горчаков, протоиерей Константин Аггеев, священники Петр Кремлевский, Владимир Колачев, протоиерей Михаил Чельцов, священник Роман Медведь, протоиерей Александр Рождественский, а также богослов и историк Николай Петрович Аксаков.

Основной формой деятельности Содружества были рефератные собрания, на которых обсуждались заранее подготовленные доклады. Кроме этого члены Содружества собирались на совместную молитву, недолгое время просуществовали особые безрефератные собрания, направленные на создание более близкого христианского общения, также было устроено несколько публичных собраний, одно из которых было посвящено Достоевскому. О нем протоиерей Павел Лахостский говорил как о «проповеднике веры среди нашего интеллигентного общества», который «звал к подлинному, евангельскому Христу, а не ко Христу, им самим придуманному».

Одним из принципов Содружества было «живое сознание долга», то есть сознание того, что человек всегда живет

в неоплатном долгу перед Богом, людьми и всем творением, и единственный путь содействовать его погашению – «сознательно и свободно отдать жизнь свою на служение Богу, людям и прочей твари...», в котором человек может обрести подлинную радость и счастье, стать тем, кем он должен быть в соответствии с нравственным законом своей совести.

Легальный институт для нелегальной церкви

Автору этой заметки посчастливилось рассказать о работе Богословского института – высшего образовательного учреждения, действовавшего в Петрограде под руководством протоиерея Николая Чукова (будущего митрополита Григория) с 1920 по 1923 год, то есть уже после принятия Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, когда были закрыты или перешли на нелегальное положение все духовные академии, начались расстрелы и ссылки духовенства и мирян, а впереди церковь ждали годы гонений и испытаний.

Основателями института, среди которых центральное место принадлежит проректору Ивану Павловичу Щербову, двигало стремление «открыть свободный доступ» к духовному образованию «всем желающим послужить Церкви», взрослым верующим без ограничения пола и возраста.

В докладе отмечалось, что при чтении документов, записок, проповедей людей, создавших институт и обеспечивавших его работу, автору очень многое казалось знакомым по учебе в СФИ и по тому, что известно о его истории. Петроградский Богословский институт тоже поддерживали общины и братства (особенно Александро-Невское): собирали деньги, преподавали и учились там, вели просветительскую деятельность за пределами института – устраивали кружки, проводили публичные встречи и лекции, например, о Достоевском, Сергее Соловьеве и других. Учились в институте не только мужчины, но и женщины. Принимали в институт людей с уже имеющимся светским образованием. Они изучали не только богословские дисциплины, Священное писание, богослужение, но и историю религий, древнегреческий, древнееврейский, историю, философию и т. д. Учились тоже по вечерам, в свободное от работы время. Было там даже что-то вроде студенческой ассоциации, она называлась Студенческая коллегия.

Один из преподавателей института Сергей Сергеевич Безобразов (будущий епископ Кассиан, переводчик Нового завета и ректор Парижского Сен-Серж) в своих воспоминаниях отмечал среди уникальных черт института то, что преподавательский состав объединял лучших светских и церковных специалистов – профессоров бывшей Духовной академии и Петроградского университета. Среди

них член-корреспондент Академии наук Александр Иванович Бриллиантов (умер в ссылке в 1930-е годы), замечательный литургист Иван Алексеевич Карабинов (сосланный в 1934-м и расстрелянный в 1937 г.), академик Борис Александрович Тураев, Лев Платонович Карсавин (высланный на «философском пароходе» в 1922-м – и умерший в советском лагере в 1952 г.), Николай Онуфриевич Лосский и другие.

В 1923 году, после ареста ректора протоиерея Николая Чукова, советская власть пыталась всеми правдами и неправдами закрыть институт, однако ей этого сделать не удалось, поскольку его статус был полностью автономный: церковным и государственным структурам институт не был подотчетен, хотя и пользовался с самого начала своего существования поддержкой патриарха Тихона и Петроградского митрополита Вениамина, а от государства даже сумел добиться предоставления себе помещений. Сохранилась изыскательная переписка представителей института с заместителем наркома просвещения В.Н. Яковлевой, в течение нескольких месяцев безуспешно требовавшей ликвидировать учебное заведение. Правда, в 1923 году все равно было принято решение о самоликвидации в связи с угрозой захвата обновленцами и недостатком денежных средств (чему способствовало существенное увеличение налогов). Тогда же Иван Павлович Щербов ходатайствовал о передаче делопроизводства института во Второе отделение историко-культурной секции Центрархива, благодаря чему фонд сохранился до настоящего времени в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга.

Всецело принадлежал России

Импульс, возникший в России – в деятельности Христианского содружества учащейся молодежи Санкт-Петербурга, Петроградского Богословского института, был подхвачен в эмиграции в Русском студенческом христианском движении. Об одном из его наиболее выдающихся деятелей – Иване Аркадьевиче Лаговском рассказала выпускница СФИ Ольга Гаврилова.

Особое значение имела деятельность Ивана Лаговского в Эстонии, где он с 1934 по 1939 год возглавлял отделение РСХД. Сам он переживал эмиграцию как трагедию. Эстония была особым регионом – это была «почти Россия», русские там были не эмигрантами, а коренным населением. Но хотя Эстония не была советской, духовное состояние ее населения было тяжелым: сказывались и бедность крестьянского населения, и проникавшая советская пропаганда. Иван Лаговский работал не только со студентами, но и среди крестьянского населения, а также среди рабочих. Он создал Русское крестьянское христианское движение, орга-

низывал молодежные кружки и съезды Движения в Эстонии и Литве, преподавал в Тартуском университете. Он говорил об обращении в воспитательном процессе к сердцу человека как духовному центру его личности. Его деятельность оказала сильнейшее влияние на духовную жизнь русских в Эстонии.

С 1925 года Иван Лаговский был редактором главного печатного органа Русского студенческого христианского движения. В декабре 1925 года вышел первый номер «Вестника РСХД» под редакцией Ивана Лаговского и Николая Зернова. Как редактор, Лаговский способствовал собиранию просвещенной церковной общественности.

Прожив первые послереволюционные годы в советской России и зная, что творилось на родине, он продолжал внимательно следить за антирелигиозным фронтом и в эмиграции и стал лучшим экспертом по положению церкви в СССР. О России он регулярно писал статьи в «Вестнике РСХД» (рубрика «Там, где с Богом борются») и в журнале «Путь». Николай Михайлович Зернов вспоминал: «Лаговский, третий секретарь Движения, всецело принадлежал России... Он был увлекательный оратор, его доклады о России были всегда полны точных фактов и продуманных заключений». Эти доклады, которые часто превращались в молитву о России, повлияли на выработку одной из главных задач Движения – служение России через возрождение русского человека, начиная с эмиграции. Статьи Ивана Лаговского о религиозной жизни и положении церкви в России ценны не только собранными в них данными, но и его взглядом на причину духовной катастрофы, которую он рассматривал как проявление мирового богоборчества, связанного с оскудением христианской веры и потери в церкви соборности.

Иван Аркадьевич Лаговский был расстрелян в Ленинграде вместе еще с двумя членами Движения, Николаем Николаевичем Пенькиным и Татьяной Евгеньевной Дензен, 3 июля 1941 года за «антисоветскую» деятельность РСХД за рубежом. В 2012 году канонизирован Эстонской православной церковью.

Софья Андросенко
Фото: Николай Токарев
Полностью текст опубликован на сайте СФИ

Участники семинара – выпускники СФИ

Об истории и псевдоистории

Год назад на первое сентября моя дочка, как и другие ученики «началки», получила подарок – книжку «Моя Москва» (которую тут же всех обязали прочитать и пересказать на уроке). Книжка была в стихах, стихи были скверные, и пришлось читать их вместе, а то бы задание осталось невыполненным; дойдя до XIX века, я безмерно устала. Но тут, к моему облегчению, взгляд упал на большое, на целую страницу, изображение храма Христа Спасителя. Я рассказала, как на постройку его собирали деньги по копейке, как хотели почтить память героев 1812 года... «Но потом пришли большевики и взорвали эту церковь», – грустно закончила я и перевернула страницу. А там было вот что:

Новая уже страна –
СССР теперь она,
И совсем другая жизнь –
Строим мы социализм...
Поднимаются кварталы,
Еще краше Москва стала.

Это безумие беспамятства в последнее время, как мне видится и чувствует-ся, стремится прыгнуть на нас из самых разных подворотен.

Откуда берутся мифы

«Требовать от кого-то платить и каяться за преступления, имевшие место задолго до его рождения, за злодеяния хоть НКВД, хоть латышских легионеров, хоть Тевтонского ордена, хоть хана Батыя – абсурд... Мы обходимся без претензий к нынешнему поколению немцев. Мешает ли это нам заниматься историей Великой Отечественной войны? Напротив, помогает. Потому что история – это одно, а «национальная память» – это совсем другое», – пишет в газете «Взгляд» православный публицист Сергей Худиев. И кто бы спорил с мыслью, что нельзя принуждать к покаянию другого человека! Что нехорошо помнить (а тем более бесконечно припоминать) чужие грехи. Но ведь погибшая Россия – это наша страна, и то, что произошло в советское время, это наша история. И наши грехи: ведь за вину отцов, ненавидящих Бога, страдают дети «до третьего и четвертого рода»¹, а до нас миновало три советских поколения; и за это время практически в каждой семье были не только те, кто погиб на войне и в топке репрессий, – увы, были и те, кто отрекался от веры, сотрудничал с «органами», предавал и доносил...

По словам Худиева, страна разделилась на условных «наследников жертв» и «наследников палачей», премирающихся друг с другом «как на коммунальной кухне». Может быть, это отчасти отражает «вторичную реальность» ангажированных СМИ. Но на самом деле, в настоящей жизни все гораздо сложнее. Мы все, наследники советского столетия, одновременно наследники и жертв, и палачей. Нам всем нужно исцеление и покаяние. Но пока что этого так и не произошло, и мы ищем выход и утешение в бесплодных мифах, не способных ничего исправить.

«Мы не виноваты»

Стандартная детская реакция («это не я!») лишь усугубляет последствия падения. Как мы все помним, с рассказа об этом начинается Священное писание. Однако большинство народов, входивших в СССР, нашло психологический выход именно в этом тезисе. Одни ищут утешения, а то и оправдания злобы и агрессии в утверждении «мы не виноваты, это все они, русские!» (что звучит, мягко говоря, довольно странно, если вспомнить национальный состав и советской элиты, и ее репрессивных органов, во многом состоявших из уроженцев национальных окраин). Другие (и прежде всего русские) в свою очередь отвечают: «мы не виноваты, да ничего и не было!», или: «во всем виноваты евреи, (масыны и т. п.)!»

Есть еще один вариант мифологии: существование «прекрасного советского прошлого», в котором «ничего такого не было». Если кому-то из наших читателей трудно поверить, что после всех последних лет – открытия архивов, установления государственного Дня памяти жертв политических репрессий (30 октября), ежегодного чтения имен расстрелянных и пострадавших, когда за день людям не удается прочитать и малой части скорбного списка, – кто-то еще распространяет и поддерживает такие мифы, ему достаточно найти в интернете статью «Большевики спасли русскую цивилизацию». Вот лишь одна цитата из этого показательного текста: «...в России одержал верх глубоко народный, русский компонент – большевики-сталинисты. Именно они проявили такие базовые для русской «матрицы» ценности, как справедливость, первенство правды над законом, духовного начала над материальным, общего над частным. Их победа привела к строительству отдельного «русского социализма», физической ликвидации большей части «пятой колонны» (троцкистов-интернационалистов) и невиданным успехам советской цивилизации». Трудно поверить, но на несколько дней эту бесконечно лживую статью выставили даже на сайте одной из епархий РПЦ. Правда, через несколько дней убрали.

Селедка с вареньем

Впрочем, самое печальное совсем не в том, что на сайте одной из дальних епархий мелькнула статья, излагающая нашу недавнюю историю таким вывернутым наизнанку образом. Грустно и страшно то, что похожие вещи мне приходилось слышать от посетителей открывшейся недавно в столичном Манеже выставки «Православная Русь. Моя история: от великих потрясений к великой победе».

Наверное, устроители выставки не рассчитывали на такой эффект; ведь невозможно представить себе, чтобы Патриарший совет по культуре сознательно занимался реабилитацией сталинизма.

Вряд ли организаторы могли предвидеть, что выставка, разбитая на две части (первая из которых вполне последовательно и внушительно передает весь ужас гибели прежней России в огне революции и гражданской войны, а вторая, построенная в жанре современной журналистики, показывает «сталинский социализм»² в виде смешения внушительно показанных свершений и достаточно выразительно обозначенных

страшных преступлений), будет подводить посетителей к выводу: «до 1930-х был бардак, а потом Сталин навел порядок; ну а лес рубят – щепки летят...»

Возможно, они недооценили степень разрушения элементарного нравственного чувства в большей части современного народа и не ожидали, что вывод в жанре «ну да, отчим убил мою мать и похищал людей, чтобы обратить их в рабство, – но ведь зато какой ремонт благодаря этому отгрохал!» будет хоть кем-то сделан в отношении «отца народов». Или переоценили способность современного человека делать элементарные логические выводы, – например, связать открывающую выставку информацию о темпах роста экономики России в 1913 году (при которых страна очень быстро должна была выйти на первое место в мире) с цифрами, говорящими о страшной цене «сталинской индустриализации».

А может быть, недоучили «клиповость» сознания современного человека, при которой в залах «сталинского социализма» он уже зайдет мелькнувшие в предыдущих («ленинско-троцкистских») залах сведения о том, что преследования за веру продолжались в течение всего советского периода и наибольшее количество жертв и разрушений пришлось как раз на 1930-е годы...

Ну, а уж то, что кто-то из экскурсоводов будет предлагать свою (усугубляющую те искажения восприятия, о которых мы уже сказали) трактовку исторических событий, а бойкие торговцы книгами, воспользовавшись случаем, выложат на самое видное место тома ЖЗЛ³ «Сталин» и «Окружение Сталина», предугадать, видимо, и вовсе было невозможно.

В результате выставка, в которую вложено множество сил и средств, на многих посетителей, опрошенных мной, увы, производит впечатление соединения несоединимого, «селедки с вареньем»...

Нужно сказать, что слова недоумения и сокрушения в связи с этим мне пришлось услышать прежде всего от православных⁴. Один из таких откликов был очень выразительным: знакомая сотрудница паломнической службы переадресовала мне вопрос одной из паломниц: неужели и правда святитель Лука (Войно-Ясенецкий) говорил процитированные в одном из стендов слова – мол, хочу низко поклониться Сталину? Ее беспокоило, что будет в головах у бедных семинаристов, которых организовано водят на эту выставку. Цитата и правда оказалась сомнительной: скорее всего, автор этих слов – покойный протоиерей Димитрий Дудко, исповедник веры, прошедший лагерь, но сломавшийся после того, как КГБ в 1980 году принудил его к публичному «покаянию» по телевидению, и впоследствии ставший духовником националистическо-коммунистической газеты «Завтра», оправдывающей преступления Сталина. Однако до того, как я занялась поиском источника, я бы не смогла утверждать, что услышать такие слова от архиереев невозможно; это было бы очень опрочечивым.

Увы, именно к тому, что высшие лица церкви станут публично говорить слова, в которые не верят, – или потому, что у них связаны руки, или потому, что они вступили ради блага церкви в опасную игру с теми, кто может на их место продвинуть человека, уже от всей души, а не скрепя сердце произносящего похвалу живодерам, – вела вся история после «второго восстановления патриаршества» в 1943 году. Те, кто решительно не соглашался играть в эти игры, как сщмч. Кирилл (Смирнов) и многие другие, к этому времени давно были физически уничтожены. Те, кто в какой-то момент отказывался в них играть, как архиепископ Ермоген (Голубев), отправлялись – даже в относительно «вегетарианские» годы – фактически в заточение. Это совсем не значит, что все

остальные были предателями интересов церкви; для многих из них девизом стали слова свт. Тихона: «Пусть погибнет имя мое в истории, лишь бы Церкви была польза». Но в результате в любой цитате, даже вполне подлинной, мы имеем право сомневаться: ведь мы никогда не узнаем, почему были сказаны те или иные слова, какой «торг» стоял за ними и что на самом деле думал тот, кто их произнес. Все советские годы публично произнесенное (и не только представителями церкви) слово почти всегда вынужденно говорилось на «эзоповом языке», и несогласие, иронию и осуждение нужно было «вычитывать между строк». Предполагалось, что всякий более или менее сообразительный человек в силах это сделать.

В поисках правды

Между тем именно сейчас, накануне столетия трагических событий, изменивших судьбу нашей родины и всего мира, нам жизненно необходимо понять, где же правда. Мы уже поняли, что ее трудно найти в цитатах, даже документально подтвержденных. Бесплезно искать ее и в каких-то легко все обобщающих схемах.

Как я уже писала, прорывом к правде я считаю солженицынское «Красное Колесо». Именно таким взглядом, мне кажется, мы и должны смотреть на наше прошлое: спрашивая себя и друг друга, что же сломалось и как это исправить. И в перечень событий, которые нужно было бы прежде всего оценить соборным разумом, входит очень многое, далеко вышедшее за рамки «Апреля 1917» (этим «узлом повествования» заканчивается эпопея – у Солженицына просто не хватило времени на то, чтобы продолжить ее дальше, разве что в беглых конспектах, в набросках, доходящих до весны 1922 года, в том числе до кампании по изъятию церковных ценностей и обновленческого раскола).

Солженицын писал свою самую большую книгу фактически всю жизнь. Наивно думать, что поиски правды возможны без труда и пота, без боли. Но все это невозможно не делать, если мы хотим вместе вложить в дело осмысленного взгляда на прошлое (а без такого взгляда невозможным становится и осмысленное будущее) и свою скромную лепту.

Поэтому перед приближающимся столетием Октябрьского переворота, Поместного собора 1917–1918 гг. и рождения братского движения в Русской православной церкви «Кифа» планирует начать публикацию серии исторических статей. В центре нашего внимания будут события начала XX века.

Александра Колымагина

¹ Исх 20:5.

² Так охарактеризована эпоха в названии, данном соответствующим залом выставки.

³ Полное название серии – «Жизнь замечательных людей».

⁴ Отчасти недоумение это проявилось в обзоре портала «Православие и мир».

Муза истории – Клио

Лица и судьбы

Мы открываем новую рубрику, посвященную приближающемуся столетию возрождения братского движения в России

Почти сто лет назад в России началась не только эпоха страшных разрушений, приведшая к антропологической катастрофе целого народа. Как это часто бывает в истории, разбушевавшимся бесам противостоял настоящий духовный подъем многих и многих людей. Мы знаем о гражданской войне, белом движении, многочисленных восстаниях, особенно крестьянских, продолжавшихся по всей стране и до 1922 года, и после. Однако насколько известно в нашей стране о противостоянии духовном, мирном, безоружном, церковном?

«Путем практического сотрудничества состоит прямым сообщником в деятельности Спасского Братства»

Владимир Борисович Шкловский (12 марта 1889 – 24 ноября 1937 г.) в свое время был известен в Петрограде едва ли не больше, чем его младший брат Виктор, писатель и литературовед.

Многие считали его профессором духовной академии, хотя звания профессора он не имел. Возможно, этому способствовал и его вид рассеянного профессора: «Наружность его производила странное впечатление. Грузный, с всклокоченными волосами на голове и бритым лицом еврейского типа, он казался всегда рассеянным. Это впечатление усиливалось его постоянно приоткрытым ртом и скороговоркой речи». Шкловский преподавал в академии французский язык, которым владел как парижанин. Все же он знал около десятка иностранных языков. Выпускник университета, он действительно был способнейшим лингвистом, однако современники главным его качеством считали не это, а его поразительную, глубокую веру во Христа.

Это невозможно было не заметить: в любом доме он всегда первым делом троекратно крестился на икону и только после этого здоровался с хозяевами, так же и мимо храма никогда не проходил, не перекрестившись. Однако это не было показное благочестие. Шкловский совершенно искренне все свои успехи никогда не приписывал своим способностям, но всегда объяснял их милосердием Божиим и неизреченной милостью Его к нему, грешному.

Вера не мешала ему всерьез заниматься лингвистикой. Его причисляют к основателям известного ОПЮЗа – неформального научного Общества изучения поэтического языка. Оно объединяло представителей «формальной школы», ориентировавшихся на футуристов и оказавших немалое влияние на теоретическое литературоведение и семиотику.

Список учебных заведений, в которых в разное время преподавал Владимир Шкловский, переваливает за полтора десятка. Это школы, училища, гимназии, Богословский институт, различные курсы и в конце концов в последние годы перед расстрелом – Ленинградский университет.

До революции Владимир Шкловский был активным членом Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Руководимое будущим ново-

мучеником протоиереем Философом Орнатским, это миссионерское общество насчитывало до тысячи членов, охватывавших своими проповедями и лекциями весь Петербург – от фабрик и заводов до салонов высшего общества. Владимир Шкловский регулярно проводил беседы в храмах Общества – Троицком и Серафимовском за Невской заставой. Также в это время он был членом Христианского содружества учащейся молодежи. В эти годы он издал небольшую книжку с указаниями для чтения Св. Писания на все случаи жизни – на «утешение в скорбях, печалях, болезнях и невзгодах житейских, а также и во дни душевного ликования».

Шкловский принимал участие в работе Александро-Невского Общества трезвости и, будучи членом попечительного совета его Литейного отделения, заведовал его библиотекой-читальней и проводил беседы для трезвенников с «волшебным фонарем». Это происходило в Никольском храме на Спасской улице, недалеко от которого он жил. Там же Шкловский служил алтарником и вел библейский кружок.

По всей видимости, участие в Обществе распространения оказало на Шкловского, как и на многих других его известных членов, серьезное влияние: вся его дальнейшая жизнь так или иначе была связана с миссионерской деятельностью. Например, во время работы в духовной академии он вступил еще в одно миссионерское общество – Братство ревнителей православной веры во имя Христа Распятого, которое возглавлял епархиальный миссионер, будущий исповедник веры Дмитрий Иванович Боголюбов.

С 1917 года Шкловский заведовал Бюро Петроградской церковной частной миссии, в задачи которой входило распространение православной веры, и издавал существовавший при миссии листок «Церковные вести».

Когда в Никольском храме под руководством иеромонаха Мануила (Лемешевского) в 1919 году возникло Спасское братство, Владимир Борисович естественным образом вступил в него. Вскоре братство стало одним из основателей добровольного Союза православных братств. Владимир Борисович, конечно же, возглавил в образованном совете Союза миссионерскую секцию.

После революции церкви было за-

прещено издавать литературу, кроме некоторых периодических изданий и календарей. Владимир Борисович начал издавать машинописную «Миссионерскую хронику», которая освещала работу православных братств в Петрограде. Вначале ее получали только епископы, но с появлением Союза братств он сделал ее летописью деятельности братств и успел выпустить 27 или 28 номеров. На допросе Шкловский не оговорил ни одного человека: «сведения собирал попутно, при посещении отдельных храмов... Нося материалы в портфеле, я писал где придется, в отдельных домах». В обвинительном заключении было сказано: «Путем практического сотрудничества состоит прямым сообщником в деятельности Спасского Братства». За это он был приговорен сначала к двум годам ссылки и уже в ссылке получил новый приговор по тому же делу – два года концлагеря.

Всего Владимир Шкловский был арестован с 1918 по 1937 год 8 раз. Обвинения: контрреволюционная деятельность, шпионаж, участие в незаконном братстве. В 1927 году он написал довольно откровенное письмо академику Марру, не побоявшемуся взять его сразу после лагеря на работу в Яфетический институт Академии наук (ныне Институт лингвистических исследований РАН) и таким образом обеспечившему ему заработок. К работе Шкловский отнесся крайне серьезно, и фактически начал на заданную ему Марром тему писать диссертацию о генезисе и истории термина «Romania». В письме он пишет о предчувствии нового ареста и о желании сохранить свой труд, для чего просит академика принять у него материалы: «Меня хотели арестовать на дому. Приезжали с обыском в мое отсутствие и взяли небольшую часть случайной переписки. Придется скрываться в Ленинграде, так как домой явиться нельзя, материалы по новой работе при аресте погибнут».

Ради спасения Владимира Борисовича от тяжелейших земляных работ на Беломорканале (1931 год) его брат Виктор пошел на трудный компромисс: в ответ на личное предложение тогдашнего фактического главы ОГПУ Г.Г. Ягоды он согласился стать автором хвалебного отзыва о «великой стройке». В пропагандистской книге о Беломорканале Виктор Шкловский написал больше, чем кто-либо другой из многих советских писателей,

Владимир Шкловский. 1930-е годы

однако это не помогло освобождению брата.

Виктора не было в составе печально известной делегации во главе с А.М. Горьким, участники которой стали авторами этой книги. Он поехал немногим раньше, лично, и встречи с братом добился с трудом. Когда они встретились, Владимир очень обрадовался и сказал: «Ну вот, я вчера помолился Ивану Воину – и ты приехал». Виктора это даже расстроило: «При чем тут Иван – это я в лепешку расшибался, чтобы сюда пробраться!»

Владимир Борисович отсидел срок от звонка до звонка. Расстреляли его позже – 24 ноября 1937 года. Его родной брат Николай был расстрелян в 1918 году, сестра Евгения умерла в голодном Петрограде в 1919-м. И только младший брат Виктор умер своей смертью, будучи известным советским писателем.

В 1922 году Владимир Шкловский написал небольшую рецензию о творчестве Николая Гумилева. В ней он приводит всего две его строки:

*И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.*

Этот век стал горьким и для Владимира Борисовича Шкловского, и для многих его современников – интеллигентов, ученых, активных верующих людей, до конца сохранивших верность Христу.

Владимир Шкловский посмертно реабилитирован лишь в наше время – в 1998 году.

* Работа не была закончена, однако собранные Шкловским ценные материалы чудом уцелели.

Интервью с Варварой Викторовной Шкловской-Корди, племянницей Владимира Шкловского

Когда дядю Володю расстреляли, мне было десять. Я помню, как он изредка приезжал в Москву и жил у нас. Помню свой ужас, когда мы шли с ним по улице, неподалеку от Гоголевского бульвара, и у каждой церкви, даже если у нее была «откусана голова», он останавливался, осенял себя крестным знаменем и читал длинную молитву. Я была во втором классе, но все равно понимала, что так себя вести, мягко выражаясь, неосторожно.

О чем Вы говорили с Владимиром Борисовичем?

Дядя Володя говорил мне о Боге, но я не помню, что именно. Все-таки у нас была совсем нерелигиозная семья. Поэтому я слушала его в каком-то смысле покровительственно.

Отец рассказывал Вам о дяде?

Почти нет, только о поездке на Беломорканал и попытке добиться освобождения брата. Отец совершенно не имел отношения к поездке писателей, организованной Горьким, был там раньше и поехал от газеты. Начальник лагеря спросил его: «Как Вы себя здесь чувствуете?» И папа ответил: «Как живая чернубурка в пушином магазине». Мне он потом говорил, что ничего своего в тексте, вошедшем в сборник, не написал. Он был гением монтажа и смонтировал всю «бормотуху», которую ему там подсунили.

Расскажите о вашем доме. Много ли в нем бывало людей?

У нас был доброжелательный дом, конечно, со своими стукачами (лифтершами, соседкой из коммунальной квартиры напротив, дочерью царского генерала, и еще один топотун ходил во дворе, следя за всеми входившими и выходящими). От этих людей надо было оберегать и дядю, и Мандельштамов, и всех, кто приходил.

У вас бывали Мандельштамы?

Да, довольно часто, мама дружила с Наденькой. У нас даже сохранился крошечный диванчик, на котором спал Осип Эмильевич, а потом много лет и Наденька. Кстати, картинка к тому времени: женщины за столом не разговаривали. Они разливали чай.

Может быть, это у вас была такая патриархальная семья? Неужели и Надежда Яковлевна молчала?

Молчала. Наденька стала разговаривать после смерти Осипа Эмильевича. Как-то в один из последних приездов Мандельштамов (мы их прятали, потому что они приехали из Воронежской ссылки и им нельзя было быть в Москве), я услышала, как Осип Эмильевич задал какой-то вопрос. Наденька дала, как мне показалось, дельный ответ, а Осип Эмильевич сверкнул на нее глазами и сказал: «Дай телеграмму в Китай китайцам: "Очень умная. Даю советы. Готова приехать"».

Они совсем иначе разговаривали. Сейчас люди не разговаривают, каждый ждет, если они воспитанны, когда им можно будет высказать свою мысль. А так, чтобы

слушать другого и отвечать своими соображениями и спорить, – это я видела только тогда, у отца.

Что Вы знаете о своих бабушке и дедушке – родителях Владимира Борисовича?

Володя был любимым сыном у матери. Вообще же моя бабушка, Варвара Карловна, была очень суровой женщиной. У деда, Бориса Владимировича, талантливого педагога – он мог любого ученика подготовить к поступлению в любой институт, – была своя гимназия. Все их дети, кроме Виктора, погибли. Старший сын Бориса Владимировича от первого брака сопровождал поезд с ранеными во время Первой мировой и был убит, защищая раненых от какой-то банды. Николай Борисович пошел добровольцем на войну, был храбрым и удачливым бойцом, имел два Георгия*. В конце войны убили многих офицеров, и Николая поставили на должность офицера, за это его в 1918 году и расстреляли большевики.

Отец так и не стал получать справку о реабилитации Владимира Борисовича – сказал, что и так знает, что тот не виноват, а родителей, которым он мог бы принести эту бумагу, к тому времени давно уже не было на свете...

* Орден Святого Георгия выделялся своим статусом среди других российских орденов как награда за личную доблесть в бою. В советской России был упразднен в 1917 году. У Виктора Шкловского тоже был «Георгий».

Материалы страницы подготовила ведущая рубрики Анастасия Наконечная

«Главное – быть носителями того же духа и смысла церковной жизни, той же духовной традиции, что и они»

Мы заканчиваем серию публикаций к 25-летию Преображенского братства воспоминанием о том, как в середине 2000-х окончили свой земной путь несколько человек, которые были не только давними друзьями братства, но и его заступниками. Председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак размышляет о том, что это значило для братства

Митрополит Сурожский Антоний

Что для Вас лично и для всего нашего братства значил почти одновременный уход С.С. Аверинцева (2004, а фактически уже 2003), митр. Антония (2003), а через несколько лет о. Виталия Борового (2008)?

Дмитрий Гасак: С митрополитом Антонием наше братство не было в близких отношениях. Один раз, в Лондоне, о. Георгий общался с ним продолжительное время на личной аудиенции, но на моей памяти это была единственная встреча. После возвращения о. Георгий прямо в храме включил аудиозапись небольшого слова, который владыка сказал для всех нас. Важный эпизод в наших отношениях был и до этой встречи в Лондоне. В конце 1993–начале 1994 г., как известно, развернулась травля о. Георгия и всего братства, у которой было два знаковых события: изгнание иг. Тихоном (Шевкуновым) братства из Владимирского собора и помещений нынешнего Сретенского монастыря и конференция «Единство Церкви». И вот в это время митр. Антоний, один из авторитетнейших и честнейших епископов нашей церкви, вступился за о. Георгия, возвысил свой голос в нашу защиту, направив соответствующее обращение к патриарху. Нужно ли говорить, что для действующего архиерея такой поступок весьма и весьма рискован во многих отношениях. Разумеется, это важно не только, а сейчас и не столько потому, что дело касалось нашего братства, сколько потому, что это пример бесстрашного стояния за правду, настоящего архипастырского поведения, что, к великому сожалению, в нашей жизни встретишь нечасто. Мы очень благодарны владыке и чтим его память. Он – один из самых выдающихся архиереев Русской церкви XX века, настоящий праведник, пронесший это через всю жизнь и подтвердивший в самое последнее время своей долгой жизни, когда на него и его епархию обрушились известные испытания. Конечно, в Лондоне бывали и другие братчики, как-то общались с владыкой, но не могу сказать, что мы были как-то особенно близки к нему. Поэтому духовный опыт мы воспринимаем в основном по книгам, которые, конечно, прочитаны нами всерьез.

Протопресвитер Виталий Боровой и С.С. Аверинцев – другое дело. С ними братство, но прежде всего о. Георгия, связывали многолетние близкие дружеские отношения, проверенные временем. Сергей Сергеевич фактически входил в братство и соответствующим образом участвовал в его жизни, как и в работе Свято-Филаретовского института, несмотря на то, что подолгу находился в Вене. В отличие от Сергея Сергеевича, о. Виталий в братство никогда не входил, хотя был, особенно в последние годы жизни, горячим апологетом общинной жизни и конкретно нашего братства.

Дмитрий Гасак

Что касается Вашего вопроса, то на него не ответишь двумя словами. Когда смерть покушается разорвать единство с такими людьми, тогда как никогда переживаешь значение евангельских слов, называющих смерть последним врагом Бога и человека. Конечно, в какой-то момент переживаешь сиротство, оставленность в этом мире, не остается того, кто мог бы тебя по-настоящему прикрыть. Но и этого сказать недостаточно. Это серьезное искушение, которое нелегко преодолеть, но приходится преодолевать и преодолевать в течение всей жизни. Это вопрос духовного наследия в прямом смысле этого слова. Я не очень верю, как говорят, в «продолжение дела». По разным причинам дело этих выдающихся людей продолжить нам не дано. Но мы учились и учимся у них, и наша задача – знать, чему мы учимся, что мы наследуем от них. Главное – быть носителями того же духа и смысла церковной жизни, той же духовной традиции, носителями которой были они. В этом живом наследовании – залог сохранения общения с нашими учителями, единства с ними и перед Богом, и перед историей. Важно не оказаться строителями гробниц пророкам, что по сути является предательством пророков и пророчества. Полагаю, что мы все понимаем всю трудность задачи.

В последние годы (конец нулевых – начало 2010-х) были ли люди такого же масштаба, на которых мы могли бы опираться, у кого учиться?

Я бы не хотел здесь кого-то с кем-то сравнивать. Из того, что сказано, очевидно, что таких людей в жизни человека заменить никто не может. Это не значит, что человек, или в данном случае наше братство, перестает учиться или у нас больше нет друзей. Слава Богу, их немало. Но вот этих людей, конечно, никто заменить не может. Я скажу больше. В наше скудное на духовную одаренность время уход митр. Антония, прот. Виталия Борового и С.С. Аверинцева является потерей для всей страны. Будет ли их наследие воспринято церковью – вопрос на сегодня открытый. И это так несмотря на то, что книги митр. Антония издаются, что в январе будущего года и у нас в России, и в Белоруссии будет отмечаться 100-летие о. Виталия. С наследием Сергея Сергеевича ситуация более сложная, так как по некоторым обстоятельствам и труды его практически не публикуются у нас в стране. Такова действительность.

Как в жизни Преображенского братства сохраняется и проявляет себя память об этих людях и о тех, кто был духовными учителями о. Георгия?

Вы знаете, об этом лучше пусть скажут другие люди, не из братства. Свидетельство о себе, как известно, не истинно. Выше я уже немного сказал о том, насколько жизненный и научный опыт наших учителей ценен для нас, хотя принадлежит, конечно, не нам, не только нам. Это достояние общецерковное и общеправославное. Я считаю, что судить о том, являемся ли мы их наследниками и в какой мере, можно лишь по плодам нашей жизни и по ее духу. Ну вот это-то виднее со стороны. Помните, Господь сказал ученикам: «...когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, что должны были сделать, то сделали», и ап. Павел – «я себя не сужу». Все-таки нужно прислушиваться к евангельским словам, хотя бы немного. Поэтому наше слово в данном случае имеет малую цену, поскольку вопросы, о которых идет речь, – не частные, но церковные, имеющие значение так или иначе для всей церкви.

Чьи мы наследники

Из беседы духовного попечителя Преображенского братства священника

Как не быть сиротами

Алексей Наумов, председатель Свято-Введенского малого православно-братства: У нас сегодня после обеда была встреча «Чьи мы наследники».

Священник Георгий Кочетков: И к чему вы пришли, каков итог?

Марина Наумова: Многие говорили, что чувствуют себя сиротами, «Иванами, не помнящими родства», потому что ощущают разрыв связи с предыдущими поколениями. И еще – что не могут войти в духовное наследие, которое являют наши учителя, потому что смотрят в библиотеке СФИ на их замечательные портреты, но не чувствуют себя наследниками этих людей.

О. Георгий: Почему?

Марина Наумова: Многие говорили, что недостаточно просто изучить труды этих людей, надо почувствовать родство с ними. А для того, чтобы почувствовать родство, нужно некое усилие приложить, надо войти в их труд, в какую-то глубину, в общение с ними. И это немногие могут сделать.

Алексей Наумов: Братья и сестры говорили, что мы сироты в том смысле, что отрезаны от корней – культурных, духовных и исторических. Нам нужно какое-то сверхусилие сделать, чтобы к этой лозе быть привитыми – как дичок, который через усилие, через боль прививается к «древу жизни».

Мы говорили и о том, что в библейской традиции, скажем, первородство не связано напрямую с первородством по рождению. Оно связано с желанием быть наследником традиции отца. В Новом Завете, в Евангелии эта линия продолжается и раскрывается: есть званые, которых много, которые вроде бы всем укладом жизни и всей историей были подготовлены для того, чтобы принять Христа, но избранными оказываются часто не они, и входят в традицию другие. В этом есть какая-то удивительная тайна вхождения в традицию.

Ольга Хегай: Я помню, что во время учебы в институте меня пронзило переживание, что и те, с кем ты учишься, и те, у кого ты учишься, и те, про кого ты узнаешь во время обучения, – это все родные люди. Такого нигде больше нет. Понятно, что этого ощущения недостаточно. Мы говорили о том, что мы не можем дерзать, называя себя наследниками, потому что наследника определяет тот, кто передает наследство. Мы можем сказать, что действительно стремимся к этому. Но каждый должен честно сказать себе, насколько он в это вкладывается.

Виктория Зорина: Еще нам вспомнились эскизы к картине Павла Корина «Реквием (Уходящая Русь)». Эти люди ушли, и та традиция, которую они несли, тоже ушла. Образовался разрыв. Та Россия умерла, и того искусства, и той культуры в целом, которая была тогда, уже нет. Те усадьбы, о которых мы сегодня говорили, разрушены. Можем ли мы ту традицию наследовать и вместить?

О. Георгий: Помню, во времена патриарха Алексия I (Симанского) была устроена первая большая выставка П. Корина. Ее посетили как-то будущий прот. Алексей Остатов, будущий митр. Питирим и будущий архиеп. Саратовский Пимен (Хмелевский) (последний, тогда священник – в рясе и с крестом). Когда они уходили, кто-то из публики пошутил вслух: «Русь уходящая ушла!». На что о. Пимен, повернувшись, громко ответил: «Мы еще вернемся!». Конечно, эти слова относились не только и не столько к церковным структурам, а к тому, что отражено на этих замечательных этюдах и на эскизах.

Это имеет прямое отношение к нашей теме.

Дело в том, что каждый христианин всегда наследует две вещи. С одной стороны, дух. Этот дух всегда дается прямо от Бога, и любой человек может

Священник Георгий Кочетков и Алексей Наумов

стать его наследником. Достаточно лишь обратиться к Богу и обрести дар усыновления. Это не зависит ни от времени, ни от места, ни от каких бы то ни было исторических перипетий. Все верующие, как сыны Божьи, – наследники того же Духа, что и апостолы, того же Духа, Который был во Христе. Здесь мы ни в коем случае не сироты. У нас есть Отец Небесный. Через Сына во Святом Духе Он дает нам ту же благодать, те же дары, и в этом сомневаться не приходится. В этом смысле мы, безусловно, наследники Божьи, потому что получили дар усыновления и обожения, дар благодати.

Но есть другое наследство, которое идет «от земли», от преемства духовного наследия, собранного отцами. И здесь, конечно, ситуация меняется, здесь она другая, и нам есть о чем беспокоиться.

Да, в нашей стране в XX веке произошел трагический разрыв культуры – и духовной, и светской, разрыв, который, скорее всего, непреодолим, во всяком случае в светской своей части. Мы, сравнивая себя с теми временами и людьми, видим, что при прочих равных мы находимся на более низкой ступени культуры и цивилизации, чем наши предки. И это вряд ли удастся преодолеть. Можно научиться чему-то от старых времен, можно попытаться лично стать наследником, но в целом воскресить старую страну и старый народ уже нельзя. Надо создавать новую культуру и новую цивилизацию. Это замечательная творческая задача, и ее надо исполнять.

Пока мы молчим...

При этом братство может потрудиться для того, чтобы не быть «Иванами, не помнящими родства», не быть сиротами, почувствовать себя полноценными наследниками старой страны, старого русского народа, который жил в России и в котором все, независимо от частных национальностей, по большому счету считали себя русскими: русскими татарами, русскими евреями, русскими немцами, русскими французами... Внутри нашего братства есть возможность связать и протянуть эту ниточку. Нам Господь дал такую возможность – быть наследниками без всяких разрывов, благодаря

В читальном зале библиотеки СФИ. На стене слева направо в верхнем ряду портреты прот. Всеволода Шпиллера, прот. Сергия Булгакова, Н.А. Бердяева, архим. Тавриона (Батозского), во втором ряду – прот. Павла Адельгейма, Ольгиве Клемана, С.С. Аверинцева, архиеп. Михаила (Мудьюгина), протпр. Александра Шемана, протпр. Виталия Борового

Ика Георгия Кочеткова с членами Свято-Введенского православного малого братства

прежде всего тем, кого мы знали лично, живую. Ну и, наверное, не только им. Я, например, ощущаю, что духовная ниточка от прп. Серафима проходит по нашему братству. Она не умерла, не исчезла совсем, но не может проходить через весь наш народ, как это было в начале XX века. Понятно, что я не призываю вас к наивности, к тому, чтобы понимать это так, что она проходила через каждого человека. Любая земная традиция воспринимается, конечно, совсем не всеми, но это нормально, именно так она распространяется и существует.

...У меня были светские учителя. Среди них были и Сергей Сергеевич Аверинцев, и Юрий Александрович Левада, и Вячеслав Леонидович Глазьев. Были у меня и духовные учителя, которые сыграли первенствующую роль в моем духовном становлении. Это отец Таврион (Батозский), отец Всеволод Шпиллер, отец Виталий Боровой и отец Иоанн (Крестьянкин). Это люди, с которыми я все время беседовал, постоянно находился в диалоге. Я с трудом воспринимаю монологическое учение, мне всегда интересно диалогизировать. Поэтому я всегда очень удивляюсь тому, что у нас на встречах какие-то люди порою молчат, причем молчат глухо. Так никогда ничему не научишься. Тут речь не о том, чтобы кого-то научить и кому-то помочь, а о том, чтобы самому стать наследником. И пока мы молчим, мы не наследники. А когда от избытка сердца говорят уста, тогда можно посмотреть, наследники мы или нет, тогда хотя бы сам этот вопрос встает, а ответ на него уже зависит от того, что мы говорим и делаем и как, в каком духе и смысле. Это не значит, что всегда и везде нужно на все реагировать, везде все обсуждать, непрерывно говорить. Нет, это совсем не обязательно. Иногда очень полезно помолчать. Но нельзя молчать всегда, постоянно.

Именно благодаря тому, что мы достаточно долго и полноценно лично общались с людьми, включая и европейскую, и американскую эмиграцию из старой России, включая и людей старой закалки, которых мы знали с детства, старшие члены нашего братства успели, как говорится, «вскочить на последнюю подножку поезда». Мы знаем на вкус тот дух, то наследие, которое эти достойнейшие и чаще всего святые люди имели и передавали. И через старших в братстве, через тех, кто в братстве давно и все это пережил сам, этот опыт непосредственно передается всем членам братства, даже самым молодым по возрасту или по времени вхождения в церковь и в братство. И очень хорошо видно, как это происходит. И хорошо видно, что происходит с теми, кто не усваивает эту традицию. Они «отслаиваются» и уходят. Это главная причина ухода ряда людей из братства, даже способных, по-своему талантливых, хороших. Если человек не усваивает эту традицию, ему становится нечего делать в братстве и вообще в церкви, как большинству наших соотечественников сейчас, особенно мужчинам. Мне часто задают вопрос: «А что я в вашей церкви буду делать? Что, стоять как столб все время на службе и кланяться, лоб расшибать, свечи ставить, это все, весь смысл моей христианской жизни?» Это могут сказать только люди, которые никакой традиции не ведают, которые ее совсем не знают. Для них церковь – это только внешний обряд, так же как и братство.

О братствах

Я глубоко уверен, что повторять то, что было, прежние формы русской жизни, не нужно. Но вот как раз быть ее наследниками нужно. И в каком-то смысле можно сказать, что мы выполняем эту задачу, потому что мы получили живое непосредственное свидетельство, что и наш Свято-Филаретовский институт –

наследник Свято-Сергиевского парижского института, и наше братство – наследник РСХД. И уж коли нам это Господь дал, то мы должны приложить усилия, чтобы быть наследниками и старых святых, и старой жизни, и старого народа, и старой страны. Благодаря живому преданию это могут воспринять, живя уже среди другого народа, в другой стране, в другое время, даже самые молодые, например, наши подростки.

Понятно, что предание автоматически не передается. Нужно многое сделать, чтобы обрести, усвоить, сохранить этот дар и принести его достойные плоды. Но ни у кого из вас нет абсолютно никаких препятствий к этому, если только вы себя чувствуете членами братства, если только вы не номинально в нем находитесь.

Поэтому мы в нормальном случае не сироты. Мы можем глубоко переживать трагедию того разрыва, который действительно произошел, и произошел безвозвратно. Но мы должны почувствовать себя настоящими носителями традиции для того, чтобы ответить людям на вопрос, как им жить сейчас, когда их нельзя в полном смысле слова назвать русскими и членами той Российской церкви, которая была раньше. Но мы можем сказать людям, что им делать в этих условиях.

Возможно, кто-то из них захочет войти в братство, и они обретут не посредственную преемственность и наследие не только от Бога, но и «от земли», от предков, от старой страны, которая постоянно на каждом шагу напоминает нам о себе. Но таких могут быть лишь единицы. Я даже думаю, что новые, сейчас зарождающиеся в церкви общинные или братские движения вряд ли войдут в наше братство. Мы «исполнились» в своем числе. Нас около трех тысяч человек, если считать всех вместе с большими и немощными, с детьми, подростками, молодежью. И все; это наша мера. Этого вполне достаточно, чтобы исполнить свою харизму. Поэтому нужны, конечно, еще другие братства. Нужно общероссийское братство людей, которые чувствуют духовное родство, которые являются преемниками и горней, мистической традиции, и традиции человеческой, церковной. Такое братство вполне может существовать. Хотя, думаю, что это не произойдет легко и быстро.

Насколько мы коммюнитарны?

Так что тема ваша действительно центральная и трудная. То, о чем мы с вами сейчас говорим, это в какой-то степени заданность, а не только данность. Понятно, что нам дано, но понятно и какое есть задание. Нам нужно еще реализовать тот дар, который есть, чтобы постоянно подтверждать свое право на наследие в нашей стране, в нашем народе. Мы должны стать действительно народом Божиим и народом этой страны в полной мере, и чувствовать себя здесь хозяевами и наследниками – не больше и не меньше, – каким чувствовал себя до революции, скажем, император Николай II*. Только он был плохим хозяином. Он не удержал от разбойников страну и своим немудрым, иногда даже хочется сказать – преступным руководством дал им шанс погубить ее. Он потерял это наследие, потерял страну и народ и не выполнил своего предназначения. Церковь сейчас также в руинах, как и все наше общество, как наш народ и страна, включая все, от природы и до строения мозгов и сердец. А вот мы должны снова обрести и страну, и церковь, и для этого, повторяю, должны стать их народом. И это единственный выход из существующего положения. Никаких альтернатив здесь нет и не будет. Мы хотели бы другого, но получилось так. И мы должны принять то, что Господь нам дает, независимо от того, очень мы этого

хотим или, может быть, не очень. Это и вопрос наследия, и вопрос возрождения церкви, народа и страны. И не только нашей страны в нынешних ее границах, но и всей той территории, всего того народа (не в этническом и не в политическом смысле), который действительно составляет «Русский мир», уже без тех идеологических коннотаций, с которыми обычно произносится это выражение в наше время. Русский мир, конечно, распространяется на весь ареал культурного влияния, культурного единства; в него входят не только Украина, Белоруссия и северный Казахстан, как думал Солженицын. Русский мир шире. И только воспринимая свою ответственность за все, что в нем есть, можно всерьез думать о христианском возрождении, о братстве, об общинном начале.

Самые великие русские люди XIX и XX века признавали, что русский народ самый коммюнитарный в мире (коммюнитарность – это общение и общинность; эти два значения, как вы помните, вложены в этот термин), и русский народ был наиболее открыт к общению и к общинности. Так что нам повезло, потому что именно этой силой, этим духом сейчас можно возрождать церковь и народ, и никаким иным духом, никакой другой силой! Да, этот дар, бесспорно, потерян вместе с самим народом. Однако если мы становимся преемниками, наследниками, как это происходит в нашем братстве, то мы наследуем и этот дар.

Конечно, мы ходим по острiu бритвы (или по острiu меча, кому как нравится). Стоит нам самим чуть-чуть уклониться куда-то в сторону – и мы можем потерять все наследие, которым мы сейчас владеем. Ведь мы действительно чувствуем себя хозяевами: что в усадьбах, что в музеях, во дворах и в хижинах, и на реках, и на полях, и в горах – везде на нашей земле. И мы с радостью несем эти богатства другим – и другим народам, и в другие страны и культуры. Интересно, что другим это очень нравится. К нам в братство и в институт приезжают самые разные люди из совершенно разных стран, может быть, традиционно не слишком друг друга любящие, или не слишком любящие Россию и Русскую церковь, или русских, но мы с ними находим искренний, настоящий общий язык. Мы действительно с ними очень легко задруживаемся. Другое дело, что проходят годы, иногда бывает, что какие-то «кошки пробегают», но, надеюсь, ненадолго. И в результате у

нас со всеми самые добрые отношения, самые дружеские. Хотя спросишь их, они обязательно найдут, с чем им хоть чуть-чуть не согласиться. Одни с одним, другие с другим. Но это и ладно. Коль они не в нашем братстве, пусть не соглашаются. Но то, что мы интересны, привлекают разным людям из разных стран и разных конфессий, это очень для нас важное свидетельство. Ведь мы же не подстраиваемся под других, мы же не лицемерим, мы просто живем так, как мы живем.

Как видите, ваша тема настолько сложна, что мне пришлось произнести огромную речь, но о вещах действительно важнейших, которые касаются самой сути нашего с вами служения. И тут нам надо быть готовыми всегда быть наследниками, причем наследниками во всех тех смыслах, о которых я сейчас говорил. И каждому из нас, и всем вместе. И это не просто. Свое наследство, повторяю, надо постоянно подтверждать, потому что это наследство духа и культуры, вещей живых, а не формальных. Я думаю, что здесь нам всем есть о чем подумать и что-то в себе скорректировать, может быть, вообще стараться осмысливать свое служение именно в таких категориях. Тогда нам легко будет общаться с разными людьми – и теми, которые совсем, на 99%, такие же, как мы, и со всеми остальными тоже, совсем не такими близкими. Но если они хотят с нами общаться, нам всегда есть что им сказать. И сказать по-дружески, по-братски, не менторски, не учительствуя сверху вниз. И неважно, где вы будете находиться при этом – в Париже или в Нью-Йорке, Лондоне или Берлине, или на Востоке – в Индии, Китае, Японии, Таиланде, Индонезии, или в Африке, или на Ближнем Востоке, в мусульманских странах, или в Израиле, или еще где-то. Мы всегда можем прийти с открытым сердцем, и всегда нам есть что сказать по существу всем. Другое дело, что тогда мы можем услышать что-то полезное для себя и от других. Потому что сейчас чаще всего люди друг друга не слышат и что-то говорят лишь для того, чтобы «распушить хвост» и «раздуть щеки».

Беседа состоялась 3 сентября 2015 года
Редакция благодарит членов Свято-Введенского малого православного братства за помощь в подготовке публикации

* Имеется в виду ответ Николая II на вопрос анкеты общероссийской переписи (1897 г.): «ваша профессия?» – «хозяин земли Русской».

Павел Корин. «Реквием» («Уходящая Русь»). Эскиз

Для того чтобы появился дружеский круг, нужен человек-«мотор», тот, кто представляет себе масштаб, сверхзадачу

Начало на с. 1

Этот музей – совершенно открытое для любого человека пространство общения, дарения, потому что в нем постоянно проходят лекции, мастер-классы, беседы, поэтические вечера.

В.Н. Матонин, председатель «Товарищества северного мореходства»

Удивляет не только то, насколько бескорыстно их служение в этой области, но и то, как они справляются с тем количеством сложностей, которое приходится решать, когда ты выходишь на уровень создания музея. Вход в музей совершенно бесплатный, и это пространство открыто для любого человека, который захочет приобщиться к тому, что так дорого этим людям. Если вы зайдете на сайт Соловецкого музея, вас поразит то, что членам товарищества удалось построить и пустить на воду реплику знаменитой яхты «Святой Петр» – ботика императора Петра Первого, на котором он посетил Соловки в июне 1694 года (процесс строительства начался еще в 2004 году, а этим летом яхта уже добралась своим ходом от архипелага до Архангельска); они занимаются судостроительной, издательской деятельностью и исследовательской работой, устраивают экспедиции по Русскому северу, занимаются реставрацией памятников старины: древних зданий, судов и поморских крестов. В пространстве этого дружеского круга мне интересно еще и то, что они каждый год приглашают в свой музей студентов высших учебных заведений и дают им возможность практики на Соловках, участия в археологических раскопках и экскурсий по музею; обеспечивая их творчеством из фондов этого круга, решая таким образом и просветительские, и нравственные задачи. Им удается собирать вокруг этого маленького центра молодежь, что очень важно. Этим людям отличает не только любовь к Северу, теплые дружеские отношения, абсолютно бескорыстное служение, но и желание все, что они создают, сделать качественно, добротнo, на века, безусловный профессионализм во всех областях и желание помочь любому, кто обратится к ним за помощью. Неоценима была их помощь и в экспонировании одной из выставок Преображенского братства на Соловках – выставки «Неперемолотые». Для меня это очень важно и дорого.

И второй дружеский круг, с которым меня свел Господь, – это создатели сайта «Отдав искусству жизнь без сдачи», который посвящен судьбам семьи Чуковских и их творчеству.

Создали его две подруги, Юлия Сычева и Дарья Авдеева, обе по профессии юристы, причем юристы практикующие и успешные, несмотря на молодость. Их интерес к семье Чуковских был исключительно личным – книги Лидии Корнеевны Чуковской их

вдохновили, они показались им очень пронзительными, и они решили рассказать об этом людям. Как они сами говорят, «строим, если угодно, дом, где разные люди, объединенные интересом к культуре, могут узнать наших героев, найти их книги или задать вопрос». Постепенно этот сайт набирал обороты, и сейчас ему уже больше 10 лет. Это очень качественный, стильный портал, в котором трудятся те же люди, но при этом собирают вокруг себя тех, кто так или иначе неравнодушен к этой семье и может вложить какую-то свою лепту в этот уникальный просветительский проект. Он позволяет осуществлять общение людей, которые неравнодушны к судьбам своей страны, потому что открытые письма Чуковской пронзительны и сегодня, и люди откликаются на них. «Софья Петровна» поражает сердце человека, живущего в XXI веке. Члены этого круга публикуют все тексты ее книг, переписку, выступления, видеосюжеты, фильмы, архивные документы. Это кропотливая каждодневная работа, которая, безусловно, держится на любви к русской литературе и на желании что-то подарить тому, кто миру оставил такое богатство, как это сделали Чуковские. Это акт добровольного безвозмездного дарения, который, думаю, и Юлии, и Дарье (а каждая из них кроме этого занимается своей профессиональной деятельностью) дает какую-то опору в жизни, и это очень важно. Вся семья Чуковских жила бескорыстным служением людям. Для них очень дорога была возможность помочь человеку, который в чем-то нуждается – незаметно, спокойно, очень естественно. Я думаю, что сайт Чуковских – это продолжение памяти, которая не должна никогда переставать. Они берегают что-то очень дорогое и ценное и передают его нам, и это, безусловно, один из самых интересных дружеских кругов в нашей стране. Это должно стать делом жизни, которое нельзя делать по обязанности, это надо полюбить. Юлия и Дарья бесконечно любят то, что они делают, именно поэтому у них получается создавать то, что помогает людям испытывать вдохновение, прикасаясь к их труду.

Такие сообщества всегда притягивают, потому что это подлинные вещи. Наверное, Господь целует их намерения, потому что они удивительно открыты миру, они очень живо откликаются на какую-то потребность этого мира в том, чтобы увидеть образ не только настоящей дружбы, но и дружбы и служения одновременно. Есть такой потенциал в этих сообществах, поэтому есть удивление, когда с ними соприкасаешься: это очень счастливые люди.

Я хочу сказать, что дружеские круги есть благодаря тому, что Господь просто находит таких людей, даже если они, как Елена Цезаревна, никогда не говорят о себе, что они люди верующие, но обладающие удивительным даром жертвенности по отношению к миру.

Виктор Авилов (Тула): По свидетельству руководителя Образовательного фонда им. братьев Сергея и Евгения Трубецких отца Георгия Белькинда, их фонд образовался именно как дружеский круг.

Основная часть их деятельности – это восстановление памяти о всех тех представителях семьи Трубецких, которые что-то сделали в богословии. Это очень многообразная деятельность, очень интересная, она может собирать людей разных взглядов, разных профессий, она позволяет какие-то очень интересные черты этого наследия показать и даже где-то развить их.

За последнее время в Туле и в Москве этот же круг провел две конференции памяти архимандрита Киприана (Керна), уроженца Тулы, и несколько встреч, посвященных его отношениям с видны-

ми деятелями эмиграции («Архимандрит Киприан (Керн) и Бунин», «Архимандрит Киприан (Керн) и о. Александр Шмеман»).

Священник Георгий Белькинд

Они собирают людей из-за рубежа, и те приезжают в Тулу со своими сообщениями. Среди них был и диакон Василий Фельми, член попечительского совета Свято-Филаретовского института.

Отец Георгий часть времени живет в Вене Тульской области, а часть в Москве. Сам он – уроженец Новороссийска, и тема Трубецких у него идет еще с южных этих окраин*. Но они Трубецких нашли и в Вене. У брата Евгения Николаевича и Сергея Николаевича, Григория, под Веневом было поместье, так же как и у другой известной семьи – Шаховских.

В Вене собираются круг краеведов, и с этим кругом о. Георгий тоже сотрудничает. Они занимаются как раз памятью семьи Шаховских. Одним из членов «тульской ветви» этой семьи был архиепископ Сан-Францисский Иоанн. Не так давно они издали книгу, которую в 1912 году написал его отец, видный земский деятель Алексей Николаевич Шаховской, под названием «Что нужно знать каждому в России».

В этот большой круг входят и священники, и миряне, есть философы, люди, которые интересуются богословием или занимаются еще и поэтическим, литературным наследием.

Нужно сказать, что люди в маленьких городах скорее спланиваются, особенно если эти города имеют какое-то историческое значение. Венев довольно старый город, там поблизости монастырь XIV века.

Но все равно, для того чтобы дружеский круг появился, нужен хотя бы один человек, который очень сильно горит какой-то темой. Да, не одним человеком все решается, но всегда есть какой-то «мотор», тот, кто представляет себе масштаб, сверхзадачу, а есть остальные, которые, если им это тоже важно и интересно, могут к этому подключаться или нет. А вот когда еще и качество дружбы появляется, это, конечно, трудно сказать...

Инесса Саулова (Кишинев): У нас есть замечательный человек, Аурел Елисеевич Маринчук, который давно занимается исследованием жизни Евфросинии Керсновской. Сам он из Сороч (это километров сто от Кишинева), физик старой закалки, начал образование еще в бессарабский период – с 1938 года, окончил в 1950 году Политехнический институт в Кишиневе, поет наизусть симфонию Бетховена. Собирает он не только документы, но и всех людей, которые хоть как-то пересекались с Керсновской, собирает их биографии, старается с ними встречаться. Он подвижник этой темы, потому что в любом состоянии, в любых условиях всегда откликается на нее, всегда ее пропагандирует. Он считает, что Евфросиния Антоновна – выдающаяся женщина, которая достойна всяческого прославления. И сам всем дарит посвященные ей альбомы.

Он подбирает ксероксы фотографий тех людей, которые пересекались с Керсновской, прикладывает к ним небольшую биографию каждого человека, сведения о том, где и как он познакомился с Керсновской.

Вокруг него сложился круг людей. В основном это семейный круг: родители, сестры жены, коллеги по учебе и работе, те, кто знали, помнили Евфросинию, пережили с ней ссылку в Сибирь.

Среди тех, судьбы которых удалось узнать, – Мария Францевна Руцинская, полька по происхождению, родилась в Силезии.

Захотела изучить русский язык и культуру, для этого поехала на учебу в Санкт-Петербург, Москву, затем в Киев, где в 1914 году ее застала Первая мировая война. Была депортирована в глубинку России. Вышла замуж за офицера русской армии – поляка. Поселилась с ним в Сорочах, где они создали польскую общину. Преподавала немецкий и английский языки в местных гимназиях. Все католики (члены общины) каждое воскресенье (по благословению папы Римского) молились на берегу Днестра о судьбе голодающего народа Украины. В 1941-м была репрессирована, попала в соседний вагон с Е. Керсновской.

Анна Михайловна Мунтяну, преподавательница домоводства в женской профессиональной школе в Сорочах, год стажировалась в Швейцарии. Умела готовить изысканнейшие блюда, учила этому девочек в школе. У Аурела Елисеевича до сих пор сохранились рецепты этих кулинарных изысков в конспектах его мамы. Как пишет Евфросиния, в ночь на 13 июня (1941 г.) они вместе с Анной Михайловной оказались в телячьем вагоне, а дальше обе стали напарницами по лесоповалу. Не один раз Евфросинию пришлось спасать непригодную к тяжелому труду Анну Михайловну, вытаскивая ее из-под обваливающихся деревьев.

Аурелу Елисеевичу удалось выйти на след Ленуцы, проживающей в Румынии, – самой младшей дочки дяди Евфросинии помещика Федора, которого вместе с шестью дочерьми выгнали из родного дома, оставив ни с чем. Эпизод с плачущей Ленуцей, которая не хотела уходить из дома без своих новеньких рубашечек, остро и пронзительно описан в дневниках Керсновской.

Но, к сожалению, из круга людей, кто помогал Аурелу Елисеевичу, – дед жены Сергей Рэдэуцан, коллега по учебе Сергей Ременко, знаток интеллектуальной жизни Сороч и Кишинева Евгений Иванович Носов – никого не осталось в живых. Аурел Елисеевич – наследник тех сведений, которые он смог почерпнуть из общения с этими людьми, знающими Евфросинию Керсновскую. До сих пор он остается очень общительным человеком, у всех, с кем встречается, он интересуется старыми фотографиями, прошлым родителей, родных, ищет сорочан, и какие-то сведения из истории родного города и края, и люди откликаются.

Аурел Елисеевич считает Свято-Павловское братство, с которым дружит, наследниками, которым он готов передать эстафету истории о Евфросинии.

* Князь Е.Н. Трубецкой в 1919 г. на белом Юге России принимал участие в создании единого управления Русской православной церкви до освобождения Москвы и соединения с патриархом. Участвовал в «Юго-восточном русском церковном соборе», который работал с 19 по 23 мая 1919 года в Ставрополе. В последние дни 1919 года, находясь в Новороссийске, прочел последнюю в своей жизни лекцию «О религиозном возрождении России». Попав вместе с отступающей армией в Новороссийск, заболел сыпным тифом и умер 23 января 1920 года.

А.Е. Маринчук

Юлия Сычева

Дарья Авдеева

Traditio translatio est: святоотеческая богословская традиция как непрерывная цепь переводов

Доклад Елены-Алины Патраковой (Свято-Филаретовский православно-христианский институт) на Паисиевских чтениях

«Один специалист по устному и письменному переводу в области самолетостроения сообщил, что в своей работе он не посмел применить принципы, которым зачастую следуют библейские переводчики (имеется в виду: слишком свободные, приблизительные. – Прим. ред.). “У нас, – сказал он, – полное понимание есть вопрос жизни и смерти”¹. Этот пример приводится в книге «Теория и практика перевода», изданной Юджином Найдой совместно с Чарльзом Тэйбером в 1969 году. Лингвист Юджин Найда известен как основоположник теории библейского перевода.

Пожалуй, трудно не согласиться с мыслью о том, что от точности перевода в области самолетостроения действи-

тельно может зависеть жизнь экипажа. А можем ли мы сказать применительно к переводам богословских текстов, что полное понимание для нас есть вопрос жизни и смерти? И что следует подразумевать под полным пониманием?

Если говорить о библейских переводчиках, то, несомненно, знаковой фигурой был блаженный Иероним Стридонский, живший в IV веке. Более десятилетия он занимался переводом Библии на латынь. Ему приписывают изречение «*Translatio traditio est*»: Перевод – это передача (вручение; предание, традиция).

Если взглянуть в оба слова, можно увидеть, что и *traditio*, и *translatio* связаны с передачей чего-либо, будь то опыт, наследие, идея или смысл.

Окончание на с. 2,3

1200 лет назад родился старший из солунских братьев – Мефодий

Кирилл и Мефодий с учениками. Фреска из монастыря Св. Наума, Охрид. XVIII в.

Кирилл (в миру Константин по прозвищу Философ, 827–869, Рим) и Мефодий (в миру Михаил; 815–885, Моравия) – братья из города Солуни (Салоники), создатели старославянской азбуки и языка – канонизированы и почитаются как святые и на Востоке, и на Западе. В славянских странах они почитаются как святые равноапостольные «учители словенские». В научных и научно-популярных текстах обычно сначала упоминается Кирилл, а потом Мефодий, а в церковно-богослужбном обиходе наоборот (вероятно, потому, что Мефодий имел более высокий сан, нежели его младший брат).

Кирилл и Мефодий происходили из византийского города Фессалоники. Их отец по имени Лев, хорошего рода и богатый, был офицером при

военном и гражданском губернаторе округа Фессалоники. В семье было семеро сыновей, причем Михаил (Мефодий) – старший, а Константин (Кирилл) – младший из них.

Фессалоники, в которых родились братья, были двуязычным городом. Кроме греческого языка, в них звучал славянский солунский диалект, на котором говорили окружающие Фессалоники племена: драговиты, сагудаты, ваюниты, смоляне, и который, по исследованиям современных лингвистов, и лег в основу языка переводов Кирилла и Мефодия, а с ними и всего церковнославянского языка. Анализ языка переводов Кирилла и Мефодия показывает, что они владели славянским языком как родным. Последнее, впрочем, еще не говорит в пользу их славянского происхождения и, видимо, не выделяло их из других жителей Фессалоник.

До пострижения в монахи Мефодий, пользуясь поддержкой друга и покровителя семьи, великого логофета евнуха Феоктиста, сделал неплохую военно-административную карьеру, увенчавшуюся постом стратега Славинии, византийской провинции, расположенной на территории Македонии. Константин тем временем преподавал философию в Константинопольском университете (Магнаврской высшей школе).

В 856 году логофет Феоктист был убит. Константин вместе со своими учениками Климентом, Наумом и Ангеларием пришел в монастырь Полихрон на горе Малый Олимп, где к тому времени настоятелем был его брат Мефодий. В

этом монастыре вокруг Константина и Мефодия сложилась группа единомышленников и зародилась мысль о создании славянской азбуки.

В 862 году в Константинополь явились послы от моравского князя Ростислава с такой просьбой: «Народ наш исповедует христианскую веру, но у нас нет учителей, которые могли бы объяснить нам веру на нашем родном языке. Пришлите нам таких учителей». Император и патриарх обрадовались и, призвав солунских братьев, предложили им идти к морavam.

В 863 году с помощью брата Мефодия и учеников Константин составил старославянскую азбуку¹ и перевел на болгарский язык с греческого основные богослужебные книги: Евангелие, Апостол и Псалтырь. О времени изобретения славянской азбуки свидетельствует сказание болгарского монаха Черноризца Храбра, современника царя Симеона, «О письменах». Он пишет: «Если же спросишь славянских грамотеев, говоря: “Кто вам письма сотворил или книги перевел”, то все знают и, отвечая, говорят: “Святой Константин Философ, нареченный Кириллом, – он нам письма сотворил и книги перевел, и Мефодий, брат его. Поскольку еще живы видевшие их”. И если спросишь: “в какое время”, то знают и говорят, что “во время Михаила, царя греческого, и Бориса, князя болгарского, и Ростислава, князя моравского, и Коцела, князя блатенского, в лето от сотворения всего мира 6363”».

Окончание на с. 4

В Томске завершились курсы по основам русского жестового языка для священнослужителей и мирян

25 октября в Томске подошел к концу заключительный этап образовательного курса «Основы русского жестового языка» для священнослужителей и мирян, осуществляющих социальную и миссионерскую деятельность среди глухих людей. В курсах приняли участие 23 человека из 14 епархий. Успешно сдавшим экзамен вручили свидетельства с правом оказания переводческих услуг при сопровождении и решении проблем неслышащих людей Учебно-методического центра Всероссийского общества глухих.

Организаторы курсов – Всероссийское общество глухих, Координационный центр по работе с глухими и слабослышащими Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению и Томская митрополия.

«Глухие люди так же, как и слышащие, тянутся к Богу. Но, находясь в храме, в большинстве случаев они не способны осознать смысл происходящего во время богослужения. Поэтому знание священниками русского жестового языка так важно», – говорит руководитель направления по работе с инвалидами Синодального отдела по благотворительности Вероника Леонтьева. По ее словам, курсы позволят увеличить число православных прихожан, окормляющих глухих людей. «Отрадно, что в числе учащихся были студенты Томской духовной семинарии, которые по окончании своего обучения в семинарии смогут также организовать новые приходы по работе с глухими людьми», – добавила она.

Организаторы курсов подчеркивают, что церковные службы на жестовом языке – это не просто перевод, это молитва на родном для глухого человека языке.

Глухие люди часто обращаются к священникам с просьбой оказать им содействие в решении бытовых и социальных проблем, оказать помощь в государственных социальных и медицинских учреждениях. Прошедшие курсы, в числе прочего, были призваны помочь в решении проблемы нехватки переводчиков русского жестового языка, особенно в небольших городах, где отсутствуют центры переводческих услуг и региональные отделения ВОГ.

Сертификат с правом оказания переводческих услуг после окончания курсов получили 13 священников и церковных сурдопереводчиков. Остальные участники курсов освоили базовый уровень владения русским жестовым языком.

Traditio translatio est: святоотеческая как непрерывная цепь переводов

Доклад Елены-Алины Патраковой (Свято-Филаретовский православный институт)

Адалберто Майнарди, ученый секретарь монастыря в Бозе, в своем докладе «Предание и перевод в литературной деятельности прп. Паисия Величковского» высказал мысль о том, что богословская традиция может рассматриваться как непрерывная цепь переводов. Так, новозаветные тексты с греческого переводились на латынь, сирийский, позднее – на языки германских и славянских народов. Также и труды греческих отцов переводились на латынь и сирийский, и т. д.² Так, имеет смысл говорить не только о теории библейского перевода, основоположником которой стал Юджин Найда, но и о становлении отдельной дисциплины под названием «Теория и практика переводов святоотеческих текстов» (Traductologie patristica). Эта идея была высказана несколько лет назад румынским исследователем Октавианом Гордоном³.

Современный словенский исследователь Матиаш Чрнивек в своей статье «Богословие перевода» пишет: «Когда Священное Писание впервые переводится на какой-либо язык, тем самым складывается богословское парадигматическое пространство, которое является определяющим для всего последующего богословия на этом языке и оказывает на него сильное влияние. Переводчик играет фундаментальную роль в формировании будущего богословия поместной христианской церкви»⁴.

От точности понимания им того духовного смысла, который заложен в оригинале, может зависеть очень многое. Так, например, блаженный Иероним в самом первом стихе Евангелия от Иоанна «В начале было Слово» переводит греческое слово «Logos» на латынь словом «verbum» (слово) вместо «sermo» (речь) в прежней латинской редакции Священного Писания, известной под названием «Итала». От того, какое слово выбирает переводчик, богословский смысл этого стиха может быть разным. По мнению Матиаша Чрнивца, выбор Иеронима в пользу слова «verbum» придал больше статичности интерпретации этого стиха, что со временем наложилось отпечаток на все западное богословие⁵.

Такой взгляд заставляет задуматься о тех трудностях и рисках, с

которыми сопряжен любой перевод. С какими бы языками и областями знания нам ни пришлось иметь дело, перевод всегда связан с риском искажения смыслов.

Мы не говорим здесь о курьезных ошибках переводчика, незнакомого с религиозной лексикой. Так, например, на одной конференции человек перевел слова «Сошествие Святого Духа» («Descent of the Holy Spirit») как «Landing of the Holy Ghost» («Приземление Святого Привидения»). Кстати говоря, это в продолжение темы о самолетостроении.

Преподобный Паисий в числе прочих отцов переводил прп. Исаака Сирина с греческого на славянский. Однако оригинал был на сирском, а существовавший в то время греческий перевод имел свои недостатки. Во-первых, в греческом переводе было много трудных мест, которые были опущены переводчиком. Кроме того, сирский язык, как и другие восточные языки, весьма отличаясь по своей конструкции от европейских языков, не поддается буквальному переводу на них. Хотя греческий перевод и старался быть буквальным, однако, отчасти от неумелого выбора значений сирских слов, отчасти от самой букввальности, происходило искажение смысла⁶.

Теория перевода щедра на подобные примеры, и некоторые исследователи даже всерьез ставили вопрос о том, возможен ли перевод в принципе.

Итальянская поговорка «traduttore – traditore» («переводчик – предатель») похожим образом звучит и на английском: «translator – traitor». Как нетрудно догадаться, ее смысл в том, что любой перевод не способен со стопроцентной точностью передать форму и содержание оригинала.

Как же быть? Как переводчику сохранить верность оригиналу и не стать «предателем»? Особенно если это касается библейских, святоотеческих, богослужебных переводов, где точная передача духа и смысла является вопросом жизни и смерти не в меньшей, а то и в большей степени, чем в самолетостроении?

Знаменательно, что в Нямецком монастыре в Румынии с 1997 года существует музей, посвященный прп. Паисию как переводчику и во-

богословская традиция

Начало на с. 1

Главно-христианский институт) на Паисьевских чтениях

плотителю в жизни Добротолубия («Sfantul Paisie de la Neamt – traitor și traducator al Filocaliei»). На первый взгляд, английское traitor (предатель) пишется почти так же, как и румынское traitor («живой, живущий»; в данном контексте – «тот, кто воплощает в своей жизни что-либо»). Однако в контексте нашей темы эта игра слов позволяет нам увидеть альтернативу тому тупику, в котором мы оказываемся, когда видим в переводе неизбежные потери каких-то нюансов. «Traducator – traitor»: переводчик – тот, кто проживает переводимый им текст, тот, кто имеет опыт той жизни, той реальности, которая стоит за этим текстом.

Верность этому опыту жизни, откровению этой реальности – вот что дает шанс в библейских и святоотеческих переводах избежать роковых искажений.

Если слово расходится с жизнью, то как его ни назови или ни переведи – verbum или sermo, оно останется мертвым. Если проповедник не живет тем, о чем он проповедует, его проповедь не будет иметь силы. Точно так же если переводчик богословского текста не имеет опыта приобщения к той реальности, которая стоит за этим текстом, его перевод почти неизбежно будет искажением при внешней грамотности.

Парфразируя блаженного Иеронима («translatio traditio est» – перевод как предание), мы можем посмотреть и на предание как на перевод: «traditio translatio est» – как применительно к святоотеческой традиции богословия, так и в более широком смысле.

В переводе верность букве в ущерб общему духу и смыслу оригинала неизбежно приведет к искажению. Точно так же и в Предании Церкви, в святоотеческой богословской традиции жизненно важна верность не только букве, но и Духу.

Верность букве в ущерб Духу как раз может привести к предательству, о чем свидетельствует Евангелие: богоизбранный народ отвергает и убивает Христа из верности букве Закона.

Предание Церкви остается живым тогда, когда оно не просто «консервировано», но «переводится» на язык и реалии каждой новой исторической эпохи. Действительно, перевод – это

всегда риск утраты и искажения смысла, а значит, риск омертвления, но в пространстве богословия отказ от перевода из страха перед этим риском опять-таки грозит омертвлением. «Переводческий труд становится необходимостью, дабы предание не осталось мертвой буквой»⁷, – говорит в своем докладе Адальберто Майнарди.

В этом смысле мы можем говорить о возвращении святоотеческой традиции богословия в трудах прп. Паисия именно благодаря тому, что он не только переведил святоотеческие тексты, но и проживал их вместе со своей общиной.

¹ Nida E. A., Taber C. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Published for the United Bible Societies by E. J. Brill, 1982. P. 1.

² Майнарди А. «Искусство искусств и наука наук». Предание и перевод в литературной деятельности преподобного Паисия Величковского // Предание и перевод. Успенские чтения / Сост. К. Б. Сигов. К.: ДУХ и ЛИТЕРА, 2014. 432 с. С. 54–55.

³ Gordon O. Metodologia traducerii textelor patristice în limba română – premisele unei traductologii patristice în spațiul românesc // Lucrările Conferinței Naționale «Text și discurs religios». Iași, 12–13 noiembrie 2010. Ed. a 3-a. Iași: Editura Universității «Alexandru Ioan Cuza», 2011. Pp. 73–85.

⁴ Crnivec M. Theology of Translation.

⁵ Там же.

⁶ Chabot J.-B. De sancti Isaaci Ninevitae vita, scriptis et doctrina. Paris, 1892. P. 63.

⁷ Майнарди А. «Искусство искусств и наука наук». Предание и перевод в литературной деятельности преподобного Паисия Величковского // Предание и перевод. Успенские чтения / Сост. К. Б. Сигов. К.: ДУХ и ЛИТЕРА, 2014. 432 с. С. 58.

Семинар «Культурные различия: поиск решений при переводе Библии на языки народов России и СНГ»

Очередной семинар Института перевода Библии «Культурные различия: поиск решений при переводе Библии на языки народов России и СНГ», организованный при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, прошел с 27 по 30 октября в подмосковном поселке Менделеево.

На семинар приехали около 50 участников из 19 переводческих проектов: абхазского, адыгейского, ингушского, кабардинского, калмыцкого, киргизского, коми-зырянского, коми-пермяцкого, курдского, лакского, марийского, мокша-мордовского, ненецкого, ногайского, табасаранского, таджикского, удинского, эрзя-мордовского, якутского. В качестве докладчиков на семинаре выступали опытные лингвисты, библеисты и антропологи.

Так как же передать на своем языке такие аспекты библейской культуры, как политеизм и полигамия, отношение к святому и профанному, чистому и нечистому и т. д.? Нужно ли пытаться преодолеть разрыв между двумя культурами – культурой древнего Израиля и культурой того языка, на который делается перевод? Нужно ли искать близкие по смыслу слова для передачи тех понятий и реалий, которые существовали в древнем Израиле, или, может, наоборот, следует сохранять эту культурную дистанцию, а там, где возникают вопросы – использовать примечания и дополнительные материалы? Можно ли, скажем, заменять хлеб на рыбу, а вино на молоко при переводе на язык народа, у которого эти реалии в принципе отсутствуют? И что делать, когда преодоление культурных различий невозможно?

Обсуждению этих вопросов, как на теоретическом, так и на практическом уровне, и был посвящен семинар. Он включил в себя и научно-исследовательские доклады, и обмен опытом между участниками различных переводческих проектов. Ведь поставленные проблемы не имеют однозначных решений и зависят от ожиданий и требований той аудитории, для которой делается перевод. По итогам семинара будут изданы материалы докладов и практических сессий.

1200 лет назад родился старший из солунских братьев – Мефодий

Начало на с. 1

Таким образом, создание славянской азбуки можно отнести к 863 г. по Рождестве Христовом, согласно Александрийскому летоисчислению, употреблявшемуся в то время болгарскими летописцами.

В Моравии Константин и Мефодий продолжали переводить церковные книги с греческого на славянский язык, обучали славян, включая жителей на землях будущей Карпатской Руси, чтению, письму и ведению богослужения на славянском языке. Братья пробыли в Моравии более трех лет. Моравская миссия также подготовила и крещение Болгарии (864 г.).

В 867 году братья были вызваны в Рим. Среди части богословов Западной церкви сложилась точка зрения, что хвала Богу может воздаваться только на трех языках, на которых была сделана надпись на Кресте Господнем: еврейском, греческом и латинском. Поэтому Константин и Мефодий, проповедовавшие христианство в Моравии, были восприняты как еретики и вызваны в Рим. Там они надеялись найти поддержку в борьбе против немецкого духовенства, не желавшего сдавать свои позиции в Моравии и препятствовавшего распространению славянской письменности. По дороге в Рим посетили они еще одну славянскую страну – Паннонию, где находилось Блатенское княжество. Здесь, в Блатнограде, по поручению князя Коцела братья обучали славян книжному делу и богослужению на славянском языке.

Прибыв в Рим в начале 868 года, Кирилл и Мефодий нашли здесь ново-

го папу, Адриана II. Братья передали ему мощи святого Климента, и тот утвердил богослужение на славянском языке (глаголический обряд), и переведенные книги приказал положить в римских церквях. По велению папы, Формоз (епископ Порто) и Гаудерик (епископ Велетри) посвятили в священники трех братьев, путешествовавших с Константином и Мефодием, а последний был рукоположен в епископский сан.

В Риме Константин тяжело заболел, в начале февраля 869 года окончательно слег, принял схиму и новое монашеское имя Кирилл, 14 февраля скончался. Он был похоронен в Риме в церкви Святого Климента.

Перед смертью он сказал Мефодию: «Мы с тобой как два вола; от тяжелой ноши один упал, другой должен продолжать путь». Папа рукоположил Мефодия в сан архиепископа Моравии и Паннонии.

В 870 году Мефодий с учениками, получившими сан священников, вернулся в Паннонию, а позже в Моравию.

К этому времени обстановка в Моравии резко изменилась. После того как Ростислав потерпел поражение от Людовика Немецкого и в 870 году умер в баварской тюрьме, моравским князем стал его племянник Святополк, который подчинился немецкому политическому влиянию. Деятельность Мефодия и его учеников протекала в очень сложных условиях. Латинско-немецкое духовенство всячески мешало распространению славянского языка как языка церкви.

В 872 году Мефодий на три года попал в заключение в монастыре Райхенау. Узнав об этом, папа Иоанн VIII запретил немецким епископам совершать литургию, пока Мефодий не будет освобожден. Правда, он же запретил богослужение на славянском языке, разрешив только проповеди.

Будучи в 874 году восстановленным в правах архиепископа, Мефодий, несмотря на запрещение, продолжал богослужение на славянском языке, крестил чешского князя Боривоя и его супругу Людмилу.

В 879 году немецкие епископы организовали новый процесс против Мефодия. Однако Мефодий в Риме блестяще оправдался и даже получил папскую буллу, разрешающую богослужение на славянском языке.

В 881 году Мефодий по приглашению императора Василия I Македонянина приехал в Константинополь. Там он провел три года, после чего вместе с учениками вернулся в Моравию (Велеград). С помощью трех учеников он

перевел на славянский язык Ветхий Завет и святоотеческие книги.

В 885 году Мефодий тяжело заболел. Перед смертью своим преемником он назначил своего ученика Горазда. 19 апреля, в Вербное воскресенье, он попросил отнести себя в храм, где прочитал проповедь. В тот же день он и скончался. Отпевание Мефодия происходило на трех языках – славянском, греческом и латыни.

После смерти Мефодия его противникам удалось добиться запрещения славянской письменности в Моравии. Многие ученики были казнены, некоторые перебрались в Болгарию (Горазд Охридский и Климент Охридский) и Хорватию.

В Болгарии и впоследствии в Хорватии, Сербии и Древнерусском государстве славянская азбука, созданная братьями, получила распространение. В некоторых регионах Хорватии до середины XX века литургия латинского обряда служилась на славянском языке. Поскольку богослужебные книги писались на глаголице, этот обряд получил название глаголического.

Папа Адриан II писал в Прагу князю Ростиславу, что если кто станет презрительно относиться к книгам, писанным по-славянски, то пусть он будет отлучен и отдан под суд Церкви, ибо такие люди суть «волки». А папа Иоанн VIII в 880 году пишет князю Святополку, приказывая, чтобы проповеди произносились по-славянски.

В 1863 году российским Святейшим Правительствующим Синодом было установлено празднование обоим святым ежегодно 11 (24) мая по юлианскому календарю «в память совершения тысячелетия от первоначального освящения нашего отечественного языка Евангелием и верою Христовою».

Ныне праздник в честь Кирилла и Мефодия – государственный праздник в России (с 1991 г.), Болгарии, Чехии, Словакии и Республике Македонии. В России, Болгарии и Республике Македонии праздник отмечается 24 мая; в России и Болгарии он носит имя День славянской культуры и письменности, в Македонии – День Святых Кирилла и Мефодия. В Чехии и Словакии праздник отмечается 5 июля.

Материал по открытым источникам
подготовила Александра Колымагина

Памятник свв. Кириллу и Мефодию в Охриде

¹ Специалисты до сих пор не пришли к единому мнению, автором какой именно из двух славянских азбук – глаголицы или кириллицы – является Константин. В настоящее время среди историков преобладает, но не общепризнанная точка зрения В.А. Истрина, согласно которой Кирилл является автором глаголицы, а кириллица была создана на основе греческого алфавита учеником святых братьев Климентом Охридским.